

КОНВЕРТ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ХОДОРЕВ С.В.

18+

Алиса АИ

Сергей Ходорев

Конверт

<https://litres.ru/74597057>

SelfPub; 2026

Аннотация

Четыре года спецшколы позади. Сергей возвращается в Сургут — город, который его вычеркнул. Отец говорит «здравствуйте», как чужому. Мать не оборачивается. Братья забыли. Дом, который был домом, стал квартирой с чужим ковриком в коридоре. Сергей не знает, что делать дальше — и делает то, что умеет: идёт на улицу. Улица встречает старыми знакомыми, анашой, кражами. Дальше — Нижневартовск, монастырь в Абалаке, попытка начать заново. Но заново не получается. Арест. Воронок. Старик напротив говорит: «Привыкнуть — значит наполовину умереть». СИЗО Колпашево. Суд. Приговор. Этап столыпиным через Тюмень, Новосибирск, Мариинск, Томск — полстраны в зарешённом окне. Малолетки, карты, анаша, вскрытие в изоляторе, когда нечем дышать. И лагерь — ВТК Дзержинск, где активисты пишут правила, дубаки закрывают глаза, а система работает не на тебя. Не тюремная романтика и не исповедь жертвы. Рассказ о том, как забор становится невидимым, но никуда не исчезает. Основано на реальных событиях. 18+.

Сергей Ходорев

Конверт

ЧАСТЬ IV ЖИЗНЬ ПОСЛЕ

Глава 1. Возвращение

Сергей сидел у окошка-иллюминатора и смотрел, как приближается взлётная полоса. Самолёт снижался медленно, и внизу проплывала земля — тайга, реки, болота, дороги, которые казались нитками, натянутыми по зелёному. Дома становились крупнее, отчётливее. Сначала точки, потом коробки, потом — крыши, дворы, машины. Сергей прижался лбом к стеклу. Стекло было холодное, и от холода по виску пошла мёртвая свежесть, и он не отодвинулся. Хотел видеть. Хотел запомнить. Как выглядит земля, по которой он не ходил четыре года.

И вот колёса самолёта коснулись посадочной полосы. Толчок. Сухой, резкий, как удар по плечу. Самолёт пробежал по бетону, замедляясь, и остановился. В салоне зашевелились — кто-то застёгивал ремень, кто-то уже вставал, доставал сумки с полки. Сергей не двигался. Сидел и смотрел в иллюминатор. За стеклом — серое небо, серый бетон, серые строения аэропорта. Серый Сургут. Родной. Чужой.

Стюардессы начали говорить: «Можете отстёгивать рем-

ни... Мы приземлились в городе Сургуте». Голос был ровный, усталый, безразличный — как объявление на автобусной остановке. Сургут. Город, в котором он родился. Город, из которого его увезли. Город, в который он возвращался — не домой, а просто — обратно. В то место, откуда когда-то начал.

Сергей отстегнул ремень. Руки были спокойные. Слишком спокойные. Он знал это состояние — когда внутри всё сжато, а снаружи ничего. Когда тело знает, что делать, а голова ещё не решила. Так было перед побегом. Так было перед дракой. Так было сейчас — перед возвращением.

Он боялся. Не так, как боялся в спецшколе, когда ночью слышал шаги в коридоре, или когда забирался на крышу и смотрел вниз. Тот страх был острый, быстрый, как укол. А этот — тупой, ноющий, как зуб, который ноет не сильно, но постоянно, и ты не можешь отвлечься. Он не ощущал, что он дома. У него были маленькие надежды, что его ждут, что его сейчас встретят. Что кто-то будет стоять у выхода из аэропорта с табличкой или просто — стоять и смотреть. Мать. Отец. Кто-нибудь. Но также в нём переполнял риск, что он придёт как тень, и его никто не заметит. Что он постучит в дверь, и ему откроют, и скажут «здравствуйте», как чужому, и пройдут мимо, и он сядет в своей комнате и не будет знать, что делать. Он всегда настраивал себя на плохое. На самое плохое. Так проще: если плохое случится — ты готов, а если хорошее — сюрприз. Но хорошего почти никогда не быва-

ло, и он уже начал привыкать к этому в жизни. Привыкать — не значит смиряться. Привыкать — значит переставать удивляться. А переставать удивляться — значит переставать ждать. А переставать ждать — значит уже наполовину умереть. Но он не думал об этом. Он просто шёл.

Вот Сергей спустился по трапу. И вот его первые шаги по взлётно-посадочной полосе. Ноги в кроссовках — казённых, серых, стоптанных — коснулись бетона. Бетон был тёплый, нагретый солнцем, и от него поднималось тепло, и пыль стояла в воздухе мелкая, густая. Воздух пах бензином, гарью и чем-то ещё — деревом, болотом, хвоей. Сургутский воздух. Он узнал его. Не носом — лёгкими. Тело вспомнило раньше, чем голова. Этот запах он знал с детства, с тех времён, когда бегал по дворам босиком и не знал, что такое спецшкола.

Он спокойно прошёл до аэропорта. Люди шли мимо — кто с чемоданами, кто с детьми, кто с цветами. Никто не смотрел на него. Он был один из многих. Пацан в серой куртке, с сумкой через плечо. Обычный. Незаметный. Невидимый. Он привык быть невидимым — в спецшколе невидимость была спасением. Не высовывайся, не отсвечивай, не попадайся на глаза — и проживёшь. Но здесь, на свободе, невидимость ощущалась иначе. Здесь она не спасала. Здесь она просто означала, что ты — никому не нужен.

Вышел со стороны города. Автобус ждал недолго, автобус подошёл минут через пять. Он сел в автобус и поехал в город, в свой родной дом. Ну хотя домом это было назвать тяжё-

ло. Автобус был старый, «ПАЗик», жёлтый, раздолбанный, с трещиной на лобовом стекле и сиденьями, обтянутыми клеёнкой, которая липла к рукам. Он сел у окна. Смотрел. Улицы бежали мимо — знакомые и незнакомые одновременно. Вот заправка, вот магазин, вот остановка, вот школа — не его, чужая. Вот берёт начало дорога на автостанцию. А вот — поворот, за которым должен быть его район. Сердце стукнуло. Один раз, сильно, как кулаком в грудь. И успокоилось. Он посмотрел в окно и отвернулся. Не надо. Не сейчас.

Сергея почему-то охватывал испуг — не страх, а испуг: то чувство, когда ты знаешь, что должно случиться что-то плохое, но не знаешь, что именно, и от этого неизвестности хуже, чем от самого плохого. Испуг того, что он там не нужен. Потому что его не приехали встречать, как любые другие родители прибежали бы за своим ребёнком, забирать Сергея. Это не грозило. Он знал это. Знал ещё в спецшколе, когда воспитатели говорили: «Вот выйдешь — тебя встретят, обнимут». И он кивал. И молчал. И думал: нет. Не встретят. Не обнимут. Потому что он знал своих. Он знал, как они к нему относятся. Не ненавидели — нет. Хуже. Равнодушие. Равнодушие — это когда ты есть, но тебя как бы нет. Когда тебя не выгоняют, но и не зовут. Когда тебя не быют, но и не обнимают. Когда ты — как старый сундук в углу комнаты: стоит, занимает место, выбросить жалко, но и открыть неза чем, потому что внутри — ничего.

Сергей вышел на знакомой остановке у магазина «Юби-

лейный». Магазин стоял на месте — такой же квадратный, облупленный, с вывеской, которая еле держалась. Рядом — лавочки, урна, деревья, посаженные давно и выросшие кривыми от ветра. Даже была песенка про этот магазин, её пели пацаны во дворе, хором, с гитарой, когда собирались вечером:

«Есть в Сибири город Сургут,
Лучше не ходи туда один —
В морду двинут, деньги вынут,
И твои глаза на лоб надвинут...
Мой любимый город Сургут!
Есть там юбилейный магазин,
Лучше не ходи туда один —
В морду двинут, деньги вынут,
И твои глаза на лоб надвинут...
Мой любимый город Сургут!»

Сергей вышел на остановке. Постоял. Огляделся. Ничего не изменилось в городе. Те же дома, те же деревья, те же дороги. Ещё были года такие — 99-й год. Сергею четырнадцать лет. Всё ещё только начиналось. Страна переживала нехорошие времена — по телевизору говорили про дефолт, про кризис, про то, что зарплаты не платят, что заводы закрываются. Люди были злые, уставшие, пуганные. Но Сергея это не касалось. Он не знал про дефолт и про кризис. Он знал про свой кризис — маленький, личный, внутри. Кризис одного человека, которому некуда идти.

Сергей потихоньку брёл до дома по знакомым тропинкам, знакомым улицам. Ноги помнили дорогу — туда, сюда, мимо гаражей, через двор, за угол. Тело шло само, и голова не вмешивалась. Он смотрел по сторонам, но как-то мимо — не вглядываясь, не запоминая. Просто глаза были открыты, и мир попадал в них, и выходил, не задерживаясь. Вот он увидел свой дом — пятиэтажка из красного кирпича. В том районе их стояло всего три таких пятиэтажки, они выделялись всегда — среди серых панельных коробок они были как три красных зуба. Район назывался Три ГГ, а переводился просто — третий гостиничный городок. Не знаю, кто придумал данное название данному микрорайону. Может, потому что дома были гостиничного типа — длинные коридоры, общие кухни, маленькие комнаты. А может, потому что жить тут было как в гостинице — временно, не навсегда, будто ты остановился на ночь, а потом уедешь. Некоторые так и «уезжали» — навсегда.

Сергей прошёл от первого подъезда до последнего, потому что он жил в последнем подъезде. Двери подъезда были открыты — вернее, не было дверей, просто проём, тёмный, пахнувший мочой и плесенью. Лестница была та же — стёртые ступени, исписанные стены, разбитые окна на площадках. По дороге ему не попадались ни соседи, ни кто-либо другой. Тихо. Пусто. Будто вымерший дом. Только где-то наверху хлопала дверь — ветер, или кто-то пришёл-ушёл, и снова тишина.

Он зашёл в подъезд, набрался смелости, поднялся на четвёртый этаж, нажал на звонок. Звонок был тихий, хриплый — будто и он устал за эти годы. Подождал. Сердце билось быстро, но руки не дрожали. Он умел держать руки. Умел держать лицо. Четыре года спецшколы научили: не показывай, что боишься. Не показывай, что ждёшь. Не показывай ничего. Просто стой. Просто жди.

Послышались за дверью какие-то шаги. Тяжёлые, медленные. Отца шаги. Он узнал их — по тяжести, по ритму. Мать ходила легче, быстрее, с постукиванием каблуков. Братья бегали. А отец — шёл. Шёл так, будто каждый шаг стоил ему усилия, будто он нёс на плечах что-то тяжёлое, невидимое. Дверь была привычная железная, самодельная железная дверь. Раньше двери не ставили. Раньше сами делали, сами устанавливали — из листового железа, на уголках, с засовом изнутри. Тяжёлая, некрасивая, но надёжная. Такая, чтобы не выломали. Чтобы не зашли. Чтобы не увидели, что внутри.

Вот открылась дверь. На пороге стоял отец. Он не удивился приходу Сергея. Не обрадовался, не испугался, не замер. Просто — открыл, посмотрел, сказал «здравствуйте» сухо, без эмоций. Как почтальон, который принёс газету. Как сосед, который здоровается в подъезде. «Здравствуйте». Не «сынок», не «Серёжа», не «ты приехал». «Здравствуйте». Одно слово, и в нём — ни тепла, ни холода. Ничего. Пустота. И эта пустота ударила сильнее, чем если бы он крикнул, ударил, выгнал. Крик — это эмоция. Удар — это внимание.

А «здравствуйте» — это ничего. Это даже не равнодушие. Это — отсутствие.

Сергей кивнул. «Здравствуйте». Тоже сухо. Тоже без эмоций. Они были похожи — отец и сын. Не внешне, а по тому, как держали лицо. По тому, как прятали. Оба не умели показывать. Оба не хотели. Разница была в том, что Сергей ещё помнил, что когда-то умел. А отец — забыл. Или не умел никогда.

Сергей зашёл. Коридор был тот же — узкий, тёмный, с вешалкой у стены и ковриком на полу. Коврик был новый, не тот, что был раньше. Мелочь, но он заметил. Заметил, потому что тело помнило каждый сантиметр этого коридора — где повернуть, где наклониться, где пройти. А коврик был новый, и от этого коридор стал чужим. Чужой коврик в своём коридоре. Мелочь. Но мелочи — это то, что делает дом домом. А когда мелочи меняются — дом перестаёт быть домом. Он становится квартирой. Просто квартирой.

Мать не подошла, не поздоровалась, она сидела в зале на диване, смотрела телевизор. Телевизор был новый — большой, цветной, с пультом. Раньше был маленький, чёрно-белый, с ручкой. Ещё одна мелочь. Сергей постоял в дверях зала. Мать не обернулась. Она смотрела передачу — что-то про политику, про выборы, про то, что в стране творится. Она смотрела, как будто его не было. Как будто он не стоял в дверях. Как будто он не вернулся. И он понял: для неё его и не было. Четыре года. Она привыкла. Привыкла к тому, что

его нет, что комната пустая, что за столом на одного меньше. Привыкла — и не хотела отвыкать. Его возвращение было не радостью, а помехой. Ещё один рот. Ещё одна проблема. Ещё один человек в маленькой квартире, где и так тесно.

Братья бегали, поздоровались. Младшие — шумные, быстренькие, живые. Они не сильно изменились — выросли, конечно, но лица те же, голоса те же. Они поздоровались и побежали дальше. Не обняли, не прижались, не спросили «где ты был». Просто — «привет», и мимо. Они не знали его. Четыре года — для маленьких это вечность. Они забыли. Забыли, что у них есть старший брат. Забыли, как он выглядел, как говорил, как пел. Он был для них — незнакомец. Чужой дядька, который пришёл и сел в комнате.

Сергей разулся, прошёл в комнату. Комната была маленькая, та же, что и раньше. Кровать, стол, шкаф. Только кровать была пустая — раньше на ней спал кто-то из братьев, наверное, или она просто стояла и собирала пыль. Он постоял в дверях. Не знал, чё делать, чё он должен делать, чё ему делать? Попить чай или сидеть в комнате, пока его не позвуют? Он не знал. Он был будто вернулся в чужую квартиру, не ту, где у него родные родители, родная мать, родной отец. В данной квартире будто никто не хотел его видеть. Прошло четыре года, и очень хорошо сликлись, что Сергея не было. Без Сергея всё хорошо, просто Сергея вычеркнули из своей жизни. Его не ждали. Его не звали. Его не вспоминали. Его — не было. Как не было. И вот он пришёл — и всё нарушил.

Своим присутствием он напомнил им, что он есть. А они не хотели помнить.

Для чего ломали ему всю жизнь и не могли отказаться официально от него, чтобы хоть в детском доме может быть за ним ухаживали лучше? А может быть даже кто-нибудь и усыновил бы его или взял над ним опеку. Нет, они решили ломать Сергею жизнь до конца. Держать его на привязи — не при себе, не отдавая, не отпуская. Ни там, ни тут. Висеть между. Как тот старый сундук. Он вроде бы есть, и выбросить его жалко, ну и он по сути дела ненужный. Просто его родители подарили. Жалко его выкидывать. У нас даже дома тогда стоял такой старый сундук — в углу, за шкафом. Никто его не открывал, никто в него не заглядывал, никто не знал, что внутри. Просто стоял. Занимал место. Как Сергей. Только сундук не чувствует. А Сергей — чувствовал.

Сергей просидел в комнате. Сидел на кровати, смотрел в стену. Стена была та же — обои с цветочками, бледные, отстающие в углах. Раньше, когда он был маленький, он разглядывал эти цветочки и придумывал, что это — лес. Что каждый цветок — дерево, а между ними — тропинки, и по тропинкам кто-то ходит. Маленький, невидимый. Он. Только он тогда не знал, что играет в себя. Что придумывает себя. Что выдумывает себе жизнь, которой нет. А потом перестал. Вырос. Или сломался. Одно и то же.

Потом в оконцовке его позвали всё-таки попить чай. Мать — крикнула из кухни: «Чай будешь?» Не «Серёжа, иди попьё

чай», не «сын, ты голодный?». Просто — «чай будешь?». Как соседу. Как чужому. И он пошёл, потому что надо было пойти. Потому что если не пойдёт — будет хуже. Будто обидится. Будто отвергнет. Будто ему не нужен их чай, их дом, их присутствие. А ему надо было — не чай, не дом. Надо было, чтобы позвали. Чтобы по имени. Чтобы — «сын». Но этого не было. И он пошёл на «чай будешь?».

Он прошёл на кухню. Кухня была маленькая, тесная, с газовой плитой и столом, покрытым клеёнкой. Ему налили чай. Он сказал, чтоб ему налили без сахара. Ему мать налила чуть-чуть заварки, как всем братьям — одинаково, ровно, никого не выделяя. Он взял, долил себе ещё заварки — из чайника, который стоял на плите. Заварка была тёмная, густая, почти чёрная. Он любил крепкий чай. В спецшколе чай был слабый, водянистый, из пакетиков, и он мечтал о настоящем, крепком, таком, чтобы зубы ныли. Сахара ему не надо. Сахар — для тех, кому сладко. А ему не было сладко. Давно.

Он пил молча крепкий чай. Попил чая в этой бездушной теплоте, которой не было. Теплота — это когда тебе наливают чай и смотрят на тебя. Когда спрашивают «как ты?». Когда сидят рядом и молчат — но молчат тепло, не холодно. Здесь было тихо, но тишина была другая. Не та, что обнимает, а та, что отстраняет. Тишина, которая говорит: «ты здесь, но ты не здесь». Он пил чай и чувствовал, как горячая вода идёт внутрь, и от неё теплеет желудок, но не душа. Ду-

ша оставалась холодной. И от чая, и от кухни, и от матери, которая сидела напротив и не смотрела.

Вот этого он и боялся, когда освобождался, что опять всё придёт к тому же, что данная атмосфера его ни к чему не приведёт. Что он вернётся — и всё будет как было. Как до спецшколы. Как до всего. Тот же холод, то же молчание, то же равнодушие. Он допил чай и понял, что дома не больно рады и не будут больно препятствовать, если он пойдёт гулять. Не рады — но и не прогоняют. Не обнимают — но и не выгоняют. Просто — есть. И есть — и есть. Как сундук.

Он допил чай, обулся, сказал, что пойдёт погуляет. Сказал — тихо, в пространство, не обращаясь ни к кому. «Пойду погуляю». Никто не ответил. Никто не спросил «куда», «надолго ли», «когда вернёшься». Просто — «пойду погуляю», и тишина, и он вышел, и дверь закрылась за ним, и он стоял на лестничной площадке, и сердце билось, и руки были спокойны, и он пошёл вниз по ступеням, и каждый шаг был как шаг в пустоту.

Сергей ушёл.

Он гулял по району, гулял по дворам. Дворы были те же — те же гаражи, те же качели, те же песочницы, те же деревья. Только качели были новые — железные, покрашенные, не те, деревянные, на которых он когда-то раскачивался. Опять мелочь. Опять не то. Ему никто не попадался из знакомых на пути — ни детей, ни взрослых. Может, они были, но не замечали его, как не замечали в аэропорту. Или он не замечал

их — потому что не хотел. Не хотел видеть чужие лица, чужую жизнь, чужое счастье. Не потому что завидовал — нет. А потому что чужое счастье делает своё несчастье ещё виднее. Как свет: когда светло — темнота заметнее. А в темноте — темнота нормальна. Привычна. Удобна.

Он думал, что надо сходить к дяде Саше, к Валерию Курганскому, к тётё Нади. Но думал, что это он сделает не сегодня, сделает на днях. Сегодня ему слишком больно от того, что его самые страшные ожидания подтвердились — подтвердились, что он никому не нужен. Что дом — не дом. Что мать — не мать. Что отец — не отец. Что братья — не братья. Что он — чужой среди своих. С этими мыслями одиночества он гулял. Одиночество шло рядом, как тень — не отставая, не опережая, просто — рядом. Как собака, которая привязалась и идёт за тобой, и ты не гонишь, потому что знаешь: это единственное существо, которое идёт с тобой.

Он гулял и с одной стороны проклинал Бога: для чего, для чего его родили вообще, зачем он должен быть на этом свете? Он не молился, не просил — он кричал внутрь, в темноту, в пустоту, в то место, где должен был быть бог, но не было. Для чего? Для кого? Ради чего? Он ненавидел всё — ненавидел солнце и небо, ненавидел землю, по которой ходит. Солнце светило — и он злился: чего светишь? Кому? Мне? Мне не надо. Небо было синее — и он злился: чего синее? Будто всё хорошо? Будто ничего не случилось? Земь была под ногами — и он злился: чего держишь? Зачем? Отпусти-

ла бы — и упал бы, и конец. Ему всё было плевать на свою жизнь. Если бы мог он умереть, он бы наверное умер. Не от боли — от усталости. От того, что устал жить, а жить надо. Устал ждать, а ждать нечего. Устал надеяться, а надеяться не на что. И от этой усталости — не слабость, нет. Усталость была тяжёлая, как свинец, но она не ломала. Она — наполняла. Наполняла так, что не оставалось места ни для чего другого. Ни для радости, ни для страха, ни для злости. Только усталость. Только свинец. Только — «зачем».

Так с такими мыслями он гулял, гулял до позднего вечера. Солнце село, и небо стало тёмным, и зажглись фонари — жёлтые, тусклые, моргающие. Дворы опустели. Стало холодно — сибирский вечер, даже летом, холодит. Он ходил и ходил, кругами, по одним и тем же дворам, и не замечал, что ходит по кругу, и может, замечал, но не останавливался, потому что остановиться — значит сесть, а сесть — значит остаться, а остаться — значит признать, что некуда идти. А он не мог признать. Пока шёл — был. Пока двигался — жил. Остановишься — и станешь сундуком.

Поздно вечером пошёл домой, потому что он предполагал, что если ещё позднее пойдёт домой, его уже никто не пустит, просто не пустят, устроят скандал. И скандал — это лучше, чем дверь, закрытая перед носом. Скандал — это хотя бы внимание. А закрытая дверь — это конец. Из-за этого он часов в девять пошёл домой. Так же поднялся молча на четвёртый этаж, позвонил, ему открыли дверь, он зашёл, ра-

зулся, умылся. Умывался долго — стоял над раковиной, вода текла, и он держал руки под водой, и вода была холодная, и от холода руки немели, и он не убирал, потому что холод был лучше, чем то, что снаружи. Снаружи — дом. А дом — не дом. А холодная вода — настоящая. Она — есть. Она течёт, она холодит, она живая. И он стоял, и вода текла, и он не двигался, пока кто-то не постучал в дверь туалета — «ты чё там, уснул?» — и он убрал руки, вытерся и вышел.

Прошёл на комнату, в той, где он сидел когда-то на цепи. Кровать была пустая. Он помнил цепь — помнил, как она звенела, когда он двигался, помнил, как натирала запястье, помнил, как учился спать, не шевелясь, чтобы не звенеть. Цепи не было. Но след остался — не на запястье, а внутри. Там, где цепь — не железная, а другая, тоньше, длиннее, прочнее. Цепь, которую не снять. Которая идёт с тобой — из комнаты в комнату, из дома в дом, из спецшколы в свободу и обратно.

Он лёг сверху на покрывало, ничего не расправляя, не одеваясь. Покрывало было холодное, синтетическое, скользкое. Он не разделся — не потому что не хотел, а потому что не было сил. Сил хватило лечь. Отвернулся к стене. Стена была близко — он мог дотянуться рукой, мог положить ладонь на обои с цветочками. Не дотронулся. Просто лежал и смотрел в стену, и стена была близко, и от неё пахло клеем и старой бумагой, и этот запах был единственным знакомым запахом в этом доме. Всё остальное — чужое. Новый телеви-

зор, новый коврик, новые качели, новые запахи. А стена — та же. И обои те же. И цветочки те же. И он лежал, и смотрел на них, и не придумывал лес. Не было леса. Не было тропинок. Не было маленького невидимого человечка. Был только он, Сергей, четырнадцать лет, на покрывале, в комнате, где когда-то сидел на цепи, в квартире, где его не ждали, в городе, откуда его увезли, в жизни, которая не сложилась.

С грустными мыслями о своей никчёмной жизни уснул.

Глава 2. Утро, которого не было

Сергей проснулся где-то ближе к полудню. Солнце уже было высоко — било в окно прямой, жёсткой полосой, и пыль в луче кружилась медленно, лениво, как будто ей тоже некуда было деваться. Сергей лежал и смотрел в потолок. Потолок был белый, с трещиной посередине — тонкой, как нитка. Раньше трещины не было. Или была, но он не помнил. Четыре года — это долго. Даже для потолка.

Он прислушался. В квартире было тихо. Не просто тихо — пусто. Тот тип тишины, когда знаешь, что люди рядом, но они тебя не слышат. Или слышат — но делают вид, что не слышат. Где-то в зале работал телевизор — негромко, бубнёжом, голос диктора, который говорил про что-то далёкое, чужое, про выборы, про Думу, про то, что в стране всё хорошо. В кухне звенела посуда — кто-то ел. Но никто не пришёл. Никто не постучал в дверь. Никто не сказал: «Серёжа, вставай, завтрак на столе».

Его никто не будил, ни на завтрак, просто будто его вооб-

ще не было дома. Как будто вчерашний приезд — приснился. Как будто он не выходил из самолёта, не поднимался на четвёртый этаж, не ложился на покрывало. Как будто его комната — по-прежнему пустая, и кровать — по-прежнему ничья, и он — по-прежнему где-то там, далеко, за забором, в спецшколе, в другой жизни.

Он уже понял всё. Понял отношение. Понял, что жить дома ему точно не получится. Не потому что его выгонят — нет. Не выгонят. Просто не заметят. Будет он жить в этой квартире или не жить — для них одно и то же. Статус: сундук. Стоит — ну стоит. Нет его — ну нет. Разницы не заметишь.

Сергей сел на кровати. Покрывало скрипнуло под ним — синтетическое, скользкое, холодное. Ноги коснулись пола. Пол был ледяной — не зимний лёд, а просто — нежилой, неотапливаемый, пустой. Как вся эта квартира. Он сидел и смотрел на свои руки. Руки были худые, жилистые, с мозолями на костяшках — от турника, от драк, от работы. Четырнадцать лет, а руки — как у взрослого. Тело прожило больше, чем голова. Тело состарилось быстрее.

Он неспешно сходил в туалет, умылся. Умывался по привычке — долго, тщательно, как в спецшколе. Там умывание было ритуалом: утром холодная вода — в лицо, в глаза, чтобы проснуться, чтобы встать в строй и быть готовым. Здесь холодная вода — просто холодная вода. Но он умывался так же — тщательно, до красноты, до мурашек. Потом посмот-

рел на себя в зеркало. Зеркало было мутное, с пятном в углу. Из зеркала на него смотрел парень — худой, загорелый, с короткой стрижкой и глазами, которые знали слишком много для четырнадцати лет. Не взрослые — старые. Есть разница.

Оделся. Кроссовки — те же, казённые, серые. Футболка — короткая, натянул её специально. Специально — потому что на левой руке, между кистью и локтем, у него была татуировка. Сердце, пробитое стрелой, с надписью «Мария любви достойна». Наколка из спецшколы — первая, сделанная иглой и тушью, в общежитии, ночью, при свете фонаря через окно. Боль была адская, но он терпел. Терпел — потому что Марина стоила боли. Хотя он не знал, увидит ли её когда-нибудь. Но она ему была очень приятна к сердцу, и ради неё он сделал первую наколку. И сегодня хотел показать её дяде Саше. Похвастаться. Не наколкой — а тем, что за ней стоит. Тем, что он умеет чувствовать. Что он — живой.

Вскипятил чайник. Чайник был старый, эмалированный, с отколотой ручкой. Газовая плита щёлкала, чихала, и наконец загорелась — синим, нервным пламенем. Сергей стоял и смотрел на огонь. Огонь был живой — дрожал, плясал, грел. В квартире, где всё было мёртвое, огонь был единственным живым. Он налил чай — крепкий, без сахара, как вчера. Заварка была тёмная, почти чёрная, и он долил её до краёв кружки. Кружка была белая, с трещиной на ободке. Чай обжигал губы, и от этого обжигания было хорошо — потому что горячее — значит настоящее. Холодное — тоже настоя-

щее. Тёплое — нет. Тёплое — это то, что притворяется.

Ему никто не сказал «доброе утро». Никто не сказал «привет» или «чем будешь заниматься». Мать прошла мимо кухни — в коридор, к ванной. Прошла — и не посмотрела. Как будто кухня была пустая. Как будто он — был пустой. Он допил чай, помыл кружку. Помыл — тщательно, с мылом, поставил на сушку. Аккуратно. Как в спецшколе учили: после себя — чисто. Не потому что чистота — а потому что порядок. Порядок — это контроль. Контроль — это выживание.

Но он решил просто: попьёт чая и пойдёт прогуляется по знакомым местам, может кого-нибудь встретит из старых знакомых. Намеревался, конечно, зайти к дяде Саше с тётей Надей, может увидит Валеру Курганского, дядю Самоху. С этими мыслями он попил чай, встал, помыл кружку, обулся, оделся.

— Пойду погуляю, — сказал он в коридор. В пустоту.

Никто не ответил. Он подождал три секунды. Тишина. Четыре. Пять.

— Закройте за мной дверь, — добавил. — Ключей у меня нет.

Из зала донёсся звук телевизора — чуть громче. Кто-то прибавил звук. Это был ответ. Не словами — действием. «Мы слышим. Нам всё равно. Иди».

Ключей у него своих не было, да и никто бы ему их не дал бы. Ключ — это доверие. Ключ — это «ты здесь живёшь».

Ключ — это «ты вернёшься». Ему ключей не дали. Ему дали «здравствуйте» и «чай будешь?». Этого хватило, чтобы понять: он здесь — гость. Нежеланный, но терпимый. Пока.

Сергей вышел. Дверь за ним закрылась — тяжело, железно, гулко. Щелчок замка. И всё. Он — снаружи. Они — внутри. И между ними — железная дверь, которая была всегда.

Глава 3. Город, который не изменился

Солнце хорошо по-летнему уже припекало. Начинался разгар лета — июнь, конец, когда сибирское солнце уже не шутит. Жара в Сургуте — не как на юге: здесь она мягкая, но приставучая, липнет к телу, и пот течёт не сильно, но постоянно. Воздух пах хвоей, болотом и бензином — сургутский коктейль. Сергей очень надеялся, что искупается этим летом. Река — Чёрная, недалеко, если пойти мимо гаражей и через кусты. Там пляж — дикий, без раздевалок, без спасателей, просто берег и вода. Вода тёмная, холодная, даже летом. Но — вода. Свобода. Можно зайти по пояс и стоять, и чувствовать, как течение забирает грязь — с кожи, с мыслей, с души. Он мечтал об этом в спецшколе. Стоять в реке и ни о чём не думать. Ну пока ничего нельзя было сказать Сергею наперёд. Лето — длинное только снаружи. Изнутри — оно может оказаться короче, чем кажется.

Сергей пошёл прогуляться по рынку. Рынок был старый, городской — ряды палаток, тентов, прилавков, накрытых плёнкой и брезентом. Торговали всем: посудой, одеждой,

магнитолами, сигаретами, овощами. Люди ходили медленно, приценивались, торговались. Запахи — густые, тяжёлые: жареные пирожки, дешёвый табак, спелые помидоры, резина. Сергей шёл между рядами и смотрел. Думал, может кого-нибудь встретит из ребят знакомых — кого-нибудь из двора, из тех, с кем когда-то бегал. Никого. Рынок был — чужой. Люди шли мимо, не глядя. Покупали, продавали, уходили. Все при деле. Все — где-то. Он — нигде.

На рынке была тишина да гладь. Не тишина звука — звуков было много: гудки, голоса, музыка из палатки. Тишина — человеческая. Никто не окликал, никто не махал рукой, никто не говорил: «О, Серый, ты вернулся?!». Рынок был как зеркальный коридор: люди отражались в нём и уходили, не задерживаясь. Он был невидим — как вчера в аэропорту, как сегодня утром на кухне. Невидимость — это не сверхспособность. Это диагноз.

Там, от удивления, Сергей шёл, прогуливаясь по рынку, и вдруг услышал резкий тормоз УАЗика. Его ни с чем нельзя было спутать. Этот звук — скрежет тормозов, визг резины по асфальту, потом — тишина и хлопок двери. УАЗик тормозит не как другие машины — он тормозит как человек, который спотыкается: резко, криво, с креном. Сергей обернулся.

— Эй, Пешков! — крикнул голос.

Сергей оглянулся. Из УАЗика вышли двое — оперативники. Он узнал их. Не по именам — по лицам. Эти лица он видел и раньше, до спецшколы. Они работали в районе —

рейды, проверки, обходы. Они знали всех пацанов поимённо. Они знали Сергея.

— Здорово, — сказал один. Крупный, бритый, в кожаной куртке, хотя на улице жара. — Ты чё, вернулся?

— Здравствуйте, — сказал Сергей. — Да, вот, вернулся.

— Как дела? — спросил второй. Поменьше, посуше, с усами. Смотрел цепко, оценивающе — не как человек, а как аппарат, который сканирует.

— Нормально, — сказал Сергей. Нормально — это универсальное слово. «Нормально» — значит «не yours». «Нормально» — значит «не трогайте». «Нормально» — значит «я здесь ненадолго».

— Давно приехал? — спросил первый.

— Да нет, вот позавчера.

Оперативники переглянулись. Сергей заметил этот взгляд — быстрый, короткий. Они были шокированы. Не тем, что он вернулся — а тем, что вернулся так быстро. Три месяца. Выехал из спецшколы — и уже здесь. Для них это означало одно: trouble. Пацан, который вернулся через три месяца — это пацан, который снова в игре. Снова на их территории. Снова — их головная боль.

— Надолго в городе? — спросил первый.

Сергей помолчал. Посмотрел на УАЗик — серый, памятный, с грязными стёклами. Потом посмотрел на оперативников.

— Да нет, наверное уеду из города, — сказал он.

Он сказал это спокойно, без вызова, без бравады. Просто — факт. Может, и правда уедет. Может — нет. Но им незачем знать. Чем меньше знают — тем меньше лезут.

— Ну, ну, — сказал первый. — Смотри, Пешков. Мы за тобой следим.

— Я знаю, — сказал Сергей.

Оперативники сели в машину. Дверь хлопнула. УАЗик дернулся, завёлся — с рёвом, с дымом — и поехал дальше, вглубь рынка, к следующим пацанам, к следующим лицам, к следующей работе.

Сергей стоял и смотрел им вслед. Руки были спокойны. Пульс — ровный. Он привык к тому, что за ним следят. В спецшколе следили воспитатели, здесь — менты. Разница — в форме. Суть — одна. Ты — объект. Не человек — объект. За объектом следят. Объект не живёт — объект наблюдается.

Сергей пошёл дальше. Прогулялся ещё по центру города. Центр был маленький — пару улиц, площадь, памятник, дом культуры. Всё было так же, ничего не изменилось. Ничего не благоустроилось, не стало обширнее или красочнее. Тот же асфальт с трещинами, те же фонари с разбитыми стёклами, те же магазины с пустыми витринами. 99-й год — страна на дне. Кризис, дефолт, безработица. Люди — серые, злые, уставшие. Город — как человек, который давно не спал: стоит, но еле держится.

И он потихоньку, как-то ноги его сами привели к дому

дяди Саши с тёти Нади. Ноги знали — шли без головы. Мимо рынка, через двор, за угол, по тропинке между гаражами и забором. Тропинка была та же — протоптанная, узкая, с травой по краям. Он шёл по ней — и с каждым шагом что-то отпускало. Не сильно. Не до конца. Но — отпускало. Ноги знали куда идти. Может, голова не знала — но ноги знали.

Тот самый полу-садовый дом. Одноэтажный, обшитый тёмным, покрашенный когда-то в зелёный, но краска облупилась и облезла, и дом стал серо-зелёный, как солдат после марша. Перед домом — палисадник. Цветочки — тётя Надя всегда за ними ухаживала. Нюхотки, бархатцы, астры — простые, сибирские, неприхотливые. Они росли криво, клонились к солнцу, но — цвели. Цвели, несмотря ни на что. Как тётя Надя. Он зашёл в подъезд, с облупившейся краской, поднялся по ступенькам — они жили на первом этаже. Ступеньки были деревянные, скрипучие, и каждая скрипела по-своему — басом, тенором, сопрано. Он запомнил этот хор с детства. Постучал в дверь.

За дверью слышались какие-то шорохи. Шлёпанье тапок по полу. И играла музыка — медленно, негромко. Он прислушался. Гитара. Кто-то играл на гитаре — несложно, неспешно, перебором. Мелодия была знакомая — старая, дворовая. Что-то про вертушку, про зону, про письма. Дядя Саша. Это дядя Саша играл. Он всегда играл, когда был дома — сидел на кухне или в зале, с гитарой, и перебирал струны, и пел тихо, себе под нос, для себя. Не для публики

— для души.

Дверь открылась. И на пороге стояла тётя Надя.

Глава 4. Там, где ждали

Тётя Надя была маленькая, полненькая, с круглым лицом и быстрыми глазами. Волосы — крашенные, рыжие, собраны на затылке. Фартук — цветастый, в пятнах от муки. Она, видимо, готовила. Она всегда готовила — для всех, для каждого, для случая и без случая. Её кухня никогда не пустовала.

Она открыла дверь — и замерла. Секунда. Две. Глаза расширились. Рот приоткрылся. И потом — улыбка. Медленная, широкая, яркая, как будто солнце вышло из-за тучи. Глаза заблестели — мгновенно, одним махом, как после дождя.

— Серёжа! — выдохнула она. — Серёжа! Боже мой!

Она схватила его за плечи — двумя руками, крепко, как будто боялась, что он исчезнет. Как будто он — мираж, и если отпустить — растает. Она смотрела ему в лицо — снизу вверх, потому что он вырос, стал выше её — и в глазах её было всё: и радость, и боль, и жалость, и удивление, и любовь. Настоящая. Не показная — та, которую не скроешь, потому что она больше тебя.

Сергею так обожгло этой улыбкой, этим взглядом, блестящим душу, что не описать никакими словами, как это было приятно. Он ожидал этого — от других людей. От матери, от отца. От них — не дождался. А здесь — дверь открылась,

и вот оно. Вот оно — то, ради чего стоило вернуться. Не дом, не квартира, не кухня. Лицо. Человеческое лицо, которое радуется тебе. Не «здравствуйте», не «чай будешь». А «Серёжа!», и в этом «Серёжа» — всё. Имя. Его имя. Произнесённое с теплом. Произнесённое так, как произносят имя того, кого ждали.

И он хотя ожидал это от других людей увидеть — в оконцовке он не ошибся, и ноги правильно его привели. Здесь его ждали. Здесь на самом деле он был желанным. Здесь — не сундук. Здесь — Серёжа.

— Заходи, заходи, заходи! — заговорила тётя Надя, таща его за руку в коридор. — Боже, какой ты стал! Вытянулся-то! Худой какой... Господи, Серёжа, ты ел там вообще?

— Ел, тёть Надь, ел, — сказал Сергей и улыбнулся. Первый раз за два дня. Первый раз — настоящей улыбкой, не натянутой, не казённой. Улыбкой, которая шла изнутри, из тёплого места, которое он думал, уже высохло.

— Саша! Саша, иди сюда! — крикнула тётя Надя в глубь квартиры. — Саша, посмотри, кто пришёл!

Дядя Саша вышел из зала. Дядя Саша был крупный, широкоплечий, с бородой — не очень длинной, но густой, русой с проседью. В руках — гитара, старая, потёртая, с облупленным грифом. Он поставил гитару к стене, подошёл, посмотрел на Сергея — долго, внимательно. Потом — улыбнулся. Не как тётя Надя, бурно. Тихо, сдержанно, по-мужски. Но улыбка была — настоящая.

— Ну, здравствуй, бродяга, — сказал дядя Саша. — С возвращением. С первым сроком.

Он протянул руку. Сергей пожал — крепко, как учили. Рукопожатие дяди Саши было тяжёлое, надёжное. Рука — жёсткая, мозолистая. Не рука, а скоба. Но в этой жёсткости — тепло. Не показное, не «я тебя обниму и расплачусь». Другое — «я тебя вижу, ты здесь, это хорошо».

— Здравствуйте, дядь Саш, — сказал Сергей.

— Ну, здравствуй, — повторил дядя Саша. — Ну что, как оно там? Как вышло?

— Вышло, — сказал Сергей. Коротко. Он не хотел рассказывать. Не сейчас. Может — потом. Может — никогда. Некоторые вещи нельзя рассказать за чашкой чая. Некоторые вещи — только в книге. Или — никому.

— Ну и ладно, — понял дядя Саша. Не стал тянуть. — Ну и ладно. Главное — вышел. Живой — уже хорошо.

Тётя Надя уже металась по кухне — доставала тарелки, нарезала хлеб, доставала из холодильника. Она двигалась быстро, по-хозяйски, и при этом не переставала говорить:

— Садись, садись, Серёжа! Сейчас поешь нормально, а то тощий как... Саша, поставь чайник! Нет, я сама поставлю. Ты садись! Вот тут, к окну. Тут светлее. Саша, ну чё ты стоишь? Серёжа пришёл! Ну?

Дядя Саша сел напротив. Посмотрел на Сергея — и вдруг заметил. Сергей специально одел короткую футболку, чтобы похвастаться. Дядя Саша прищурился, наклонил голову —

и усмехнулся.

— А это чё? — спросил он, указав на левую руку Сергея.

На левой руке, между кистью и локтем, была сделана в спецшколе первая татуировка — сердце, пробитое стрелой, с надписью «Мария люби достойна». Наколка была свежая — ещё розоватая по краям, с пупырышками, как от ожога. Игла и тушь — вот и весь инструмент. Боль — вот и весь анестезик.

— Ого! — дядя Саша присмотрелся ближе. — Сердце... Мария... Ну-ну. Это кто ж тебя так разукрасила?

Сергей засмутился, но виду не подал. Поднял руку, повернул — чтобы лучше видно было.

— Марина, — сказал он. — Мария — это она. Я... Ну, в общем, влюбился.

— Влюбился, — повторил дядя Саша. И посмотрел на Сергея — уже по-другому. Не как взрослый на ребёнка. А как человек, который понимает. — И наколку ради неё сделал?

— Ага, — кивнул Сергей.

— Ну, — дядя Саша покачал головой. — Ну, любовь. Это серьёзно. Мария люби достойна... Достойно написано. Грамотно.

— Дядь Сашь! — тётя Надя окликнула из кухни. — Хватит! Хватит делать из него уголовника! Он ребёнок ещё! Серёжа, не слушай его! Он тебя в гроб загонит своими разговорами!

— Тётъ Надь, я уже не ребёнок, — сказал Сергей тихо.

— Ты — ребёнок, — тётя Надя появилась с тарелкой и поставила перед ним — полную, с горкой. Картошка, котлета, солёные огурцы, хлеб. — И ешь. Всё.

Сергей смотрел на тарелку. Полная. С горкой. Для него. Не «чай будешь?» — а «ешь». Не «налейте ему заварки как всем» — а «ешь, ты худой, ешь». И от этой тарелки — от картошки, от котлеты, от того, как она была поставлена — не брошена, а поставлена, аккуратно, с салфеткой — у него щипало в глазах. Он моргнул. Раз. Два. Не заплакал. Не умеет. Четыре года спецшколы — не научили плакать. Научили — молчать. Но — щипало.

Он ел. Ел медленно, тщательно, как в спецшколе — не торопясь, потому что торопиться нельзя, потому что от голодной скорости болит живот. Но ел — с удовольствием. С вкусом. Картошка была горячая, рассыпчатая, с маслом. Котлета — домашняя, сочная, с хрустящей корочкой. Огурцы — солёные, кислые, с укропом. Он ел и чувствовал — еду. Не баланду, не кашу, не хлеб с маргарином. Еду, которую приготовили для него. Потому что хотели. Потому что рады. Потому что — ждали.

Тётя Надя села рядом, смотрела, как он ест, и подкладывала — ещё, ещё, бери, не стесняйся. Дядя Саша сидел напротив, курил, смотрел в окно, и иногда кидал короткое слово — не вопрос, а так, между делом. Чтобы заполнить тишину. Чтобы Сергей не чувствовал, что его изучают.

Сергей рассказал, как его встретили дома. Что никак его не встретили. Холодно-пусто. «Здравствуйте» от отца. «Чай будешь?» от матери. Братья пробежали мимо. Коврик новый в коридоре. Телевизор новый. А он — старый. Тётя Надя слушала — и лицо её менялось. Улыбка ушла, губы сжались, глаза заблестели — по-другому, не от радости, а от боли. Чужой боли, которую она чувствовала как свою.

— Серёжа, — сказала она тихо. — Серёжа, родной мой...

Она не договорила. Смахнула слезу — быстро, одним движением, как будто боялась, что он заметит. Он заметил. Она обняла его — прямо за столом, прямо с куском хлеба в руке, обняла — и прижала к себе. Маленькая, тёплая, пахнущая мукой и кухней. Она обнимала его — и он не отстранялся. Не мог. Не хотел. Впервые за два дня — кто-то тронул его не равнодушно, а тепло. Она будто чувствовала, как ему больно, как ему тяжело. И обнимала — не чтобы жалеть, а чтобы держать. Чтобы он знал, что есть руки, которые держат.

Дядя Саша встал, подошёл, положил руку на плечо Сергея — тяжёлую, как кувалда, но мягко.

— Не переживай, — сказал он. — Прорвёмся.

Три слова. Три простых, дядь-Сашинских слова. Не «всё будет хорошо» — потому что дядя Саша не врал. Не «они тебя любят» — потому что это неправда. Просто — «прорвёмся». Мы. Вместе. Не «ты» — а «мы». В этом «мы» — всё.

Сергею было тепло. Приятно. И больно одновременно. Тепло — потому что здесь его любили. Больно — потому

что он знал: это не его семья. Это — чужая. Тёплая, добрая, настоящая — но чужая. Он не мог забрать чужое. Не имел права. Но — мог приходить. Мог сидеть за этим столом. Мог есть эту картошку. Мог слышать «Серёжа» — из уст, которые приносили его с теплом. И он всю жизнь будет благодарен дяде Саше и тёте Наде. За это. За «прорвёмся». За слезу, смахнутую быстро. За тарелку, поставленную с горкой.

И он всё больше удивлялся. Удивлялся тому, что на самом деле люди, которые отбывали в местах заключения и живут в местах заключения, у них намного больше душевного сочувствия и понимания людских душ, чем те, кто никогда не сидел. Потому что они видели эту жизнь не через розовые очки, а с открытыми глазами. Они видели ту обратную сторону медали, которую обычные люди не хотят замечать. А если и хотят заметить — чиновники отмахиваются и говорят народу, что этого нету. Что всё хорошо. Что дети не страдают. Что система работает. Что заборы — для блага. А за заборами — другое. И то, кто там был — знает. И кто там был — становится добрее. Не слабее — добрее. Потому что боль делает людей двумя вещами: либо злыми, либо добрыми. Злые — ломают других. Добрые — держат.

Сергей уже в те годы всё это понимал. Четырнадцать лет. И это было больно. Что ребёнок четырнадцати лет так смотрит на мир. Не как ребёнок — как взрослый. Не потому что вырос — потому что сломался. Раньше времени. Как дерево, которое гнёт ветер, и оно гнётся — но гнётся в одну сторону,

в сторону взрослых мыслей, в сторону взрослых выводов, в сторону — взрослой боли.

Дядя Саша закурил, затянулся, выпустил дым в форточку. Потом сказал:

— Ладно. Курганский уехал. Валера — в Курган. У него мать захворала, поехал к ней. Давно не звонил, может, скоро объявится.

— А Самоха? — спросил Сергей.

Дядя Саша помолчал. Затянулся. Посмотрел на тётю Надю. Тётя Надя отвернулась к плите — будто что-то проверяла.

— Самоха сел, — сказал дядя Саша. — Под следствием сидит.

— За что? — спросил Сергей.

— Да... — дядя Саша махнул рукой. — Ерунда. Разберутся. Но пока сидит.

Сергей кивнул. Не спросил больше. Он знал, что такое «под следствием». Это — ожидание. Хуже приговора. Приговор — это точка. А следствие — это запятая. Ты ждёшь, не зная, когда кончится. И от этого — с ума можно сойти.

Сергей ещё не знал, что скоро они встретятся по ту сторону забора. Что Сергей сам переступит порог камеры, в которой сидит дядя Саша. Что — дядя Саша тоже сядет. Что лето, которое только началось, кончится раньше, чем он успеет искупаться в реке. Что свободы — три месяца. Что впереди — этап через пол-России, новая колония, новые стены, но-

вые лица. Но это всё впереди. Сергей не знал ещё, чем всё обернётся. И хорошо, что не знал. Знание — груз. А он и так нёс слишком много для четырнадцати лет.

Он просто хотел жить. Сейчас ему было тепло, уютно. Его никто не выгонял. Ну, Сергей сам казался, что не будет обузой, он мог пожить день-два у тёти Нади с дядей Сашей. Но он всё равно себя чувствовал, что он обуза. Не будет им мешаться — зачем? Зачем мешать людям, которым и так тяжело? У них своя жизнь, своя кухня, свои проблемы. Он — лишний. Здесь — не лишний. Но — временный. А временно — это не навсегда. И «не навсегда» — это то, что он знал с детства.

Но ему было приятно — хоть на этот короткий миг побыть желанным, любимым. За кого переживают: «Как я там? Чё я?». Не «здравствуйте» и «чао». А — «Серёжа! Боже мой! Саша, иди сюда!». Вот это — было. И это — бесценно.

Сергей так просидел до вечера в гостях у дяди Саши с тётей Надей. Пили чай — крепкий, без сахара, как он любил. Тётя Надя доставала варенье — клубничное, домашнее. Дядя Саша достал гитару, перебирал струны, пел тихо. Сергей слушал. Музыка лилась по кухне — медленная, грустная, дворовая. Про вертушку, про письма, про дом. Про то, что где-то кто-то ждёт. И Сергей думал: вот так и должно быть. Чай, гитара, кухня, тётя Надя у плиты, дядя Саша с сигаретой у форточки. Вот так — семья. Не та, что по крови — та, что по сердцу.

Потом решил, что ему всё-таки надо идти домой. Пока ещё есть крыша над головой, надо за неё подержаться. Покуда уж не стало чрезмерно тошно от этой пустоты. Пока не выгоняют — надо подержаться. Потому что если не держаться — сорвёшься. А сорваться — значит уйти на улицу. А улица — это... Он знал, что такое улица. Улица — это зима без шапки, лето без дома, всегда — без имени.

Дядя Саша с тётей Надей — это всё равно своя семья. Это не Сергея. Сергей встал, попрощался.

— Я ещё зайду, — сказал он. — Обязательно зайду.

— Конечно, зайдёшь! — тётя Надя прижала его к себе. — Ты приходи, Серёжа. Дверь всегда открыта. Ты знаешь.

— Знаю, тёть Надь. Знаю.

— И ешь нормально! — крикнула она ему вслед.

— Буду, — сказал он и улыбнулся. Второй раз за два дня.

Обулся, вышел за дверь. Ещё раз попрощался с тётей Надей. Она помахала ему в окошко — стояла за стеклом, маленькая, рыжая, с фартуком, и махала, и махала, пока он не свернул за угол. Он шёл и чувствовал на спине её взгляд — тёплый, мокрый, как ладонь. И шёл медленнее, чтобы продлить.

Сергей пошёл медленным, не торопясь шагом к дому. Размышляя и думая о жизни. Думая, как всё повернётся в жизни. Когда у Сергея всё начнётся хорошо. Когда наступит белая полоса в его жизни. Когда — «здравствуйте» заменится на «сыночек». Когда — кто-то будет ждать у двери. Когда —

тарелка будет стоять не «как всем», а — для него. Когда — «прорвёмся» не нужно будет говорить, потому что и так всё будет хорошо.

С этими мыслями он потихоньку дошёл до дома. Поднялся, зашёл в квартиру — как в пустоту. Умылся молча. Поужинал — молча, не глядя ни на кого. Пришёл в комнату и лёг спать. Ни о чём не думая — просто хотел отдохнуть, уснуть. Уснуть — чтобы завтра. Завтра — может, будет лучше. Завтра — может, будет белая полоса. Завтра.

Он мечтал. Мечтал, что будет богатый, что всё у него будет удачно. Что когда-нибудь он украдёт свой миллион. Не из жадности — из злости. Из той злости, которая не ломает, а двигает. Из той злости, которая говорит: «Вы меня не хотите? Ну и ладно. Я сам вас всех куплю». Он мечтал — и эти мечты были наивные, детские, глупые. Но — его. Его мечты. Единственное, что никто не мог забрать. Ни мать, ни отец, ни спецшкола, ни колония. Мечты — не конфискуются. Мечты — за забор не забирают. Мечты — на цепь не сажают. Мечты — его.

И с этими мечтами он уснул. Отвернувшись к стене. К обоям с цветочками. И

Глава 5. Бетонная плита

Сергей уже несколько дней жил дома после того, как приехал. И с каждым днём ему становилось всё тяжелее. Не физически — нет. Физически он был здоров, сил хватало. Тяжело было внутри. Будто на него давила бетонная плита —

прямо на грудь, на рёбра, на дыхание. Плита была невидимая, но вес — настоящий. Он чувствовал его каждое утро, когда открывал глаза: давит. Каждый вечер, когда ложился: давит. За завтраком, когда мать не смотрела. За ужином, когда отец молчал. В коридоре, когда проходил мимо братьев. В комнате, когда лежал и смотрел в стену. Давит. Давит. Давит.

Непосильно. Невыносимо. Он не мог дышать дома. Воздух в квартире был плотный, тяжёлый, как вата. Воздух должен быть лёгким — а здесь он давил. Не от жары — от присутствия. От того, что каждый вдох в этом доме был лишним. Он дышал — и занимал место. Место, которое, как ему давали понять, ему не принадлежало.

Косые взгляды — нет, не косые. Хуже. Никто на него не смотрел косо. Никто не косился. Просто — не смотрели. Мать проходила мимо, и взгляд скользил по нему, как по стене. Отец сидел за столом, и глаза были направлены куда-то мимо — в тарелку, в телевизор, в окно. Мимо. Братья пробегали, и он был для них — мебель. Стул. Табуретка. Стоит — ну стоит. Нет его — ну нет.

Он понимал. Понимал, что они не скажут в открытую: «Уходи». Не скажут, потому что нельзя — он же сын, он же брат, он же родной. Но он чувствовал: они хотели бы. Каждым молчанием, каждым «чай будешь?», каждым поворотом спиной — они говорили: «Ты здесь не нужен». И он слышал. Громче, чем если бы крикнули.

Очередной раз он пошёл гулять по городу. Вышел из подъезда — и плита чуть отступила. На улице воздух был другой — лёгкий, движущийся, с ветром. Можно было дышать. Он шёл и дышал — глубоко, жадно, как после нырка.

Но деньги. У него не было ни копейки. Совсем. Ни на сигареты, ни на пиво, ни на билет — ни на что. В спецшколе деньги не нужны были: кормили, одевали, содержали. Здесь — свобода, и свобода стоила денег. Свобода без денег — это не свобода. Это — улица. А улица — это зима без шапки, лето без дома, всегда — без имени.

Ему нужно было что-то придумать. И мысль пришла сама собой — не как идея, а как факт. Просто — всплыла. Надо кого-нибудь поймать, отобрать деньги, чтоб у него были карманные расходы. Мысль пришла спокойно, без страха, без сомнения. Как будто он давно знал, что к этому придёт. Как будто это было — не решение, а признание. Да, так. Да, придётся. Да, по-другому — не выйдет.

Он гулял по рынку. Смотрел. Приглядывался. Не торопясь, без суеты — как на охоте. Рынок был полон людей: торговали, покупали, спорили, смеялись. Но не всех можно было грабить. Это Сергей знал. Не всех подряд. У людей, которые терпили, у них как будто отпечаток на лице. Не всегда заметный — но есть. Что-то в глазах, в плечах, в том, как человек идёт. Терпила идёт — и как будто извиняется. За то, что идёт. За то, что занимает место. За то, что живёт. Он идёт и ждёт — не осознанно, не нарочно — но ждёт, что ему

скажут: «Куда лезешь?». И когда ему скажут — он не удивится. Потому что он ждал. Всегда ждал.

Не всех подряд можно грабить, а тех, по которым на самом деле видно, что он потерпевший. Сергей это тоже мог уже определять по людям, глядя только на их внешний вид, на лицо. Это был навык — не из спецшколы, нет. Из двора. Из детства. Когда ты маленький и живёшь во дворе, где сильный бьёт слабого, ты учишься быстро: кто даст сдачи, а кто — нет. Кто стерпит, а кто — побежит жаловаться. Кто — терпила, а кто — нет. Это не наука — это инстинкт. И Сергей его имел. Уже по человеку понятно: терпила он или нет. По походке, по взгляду, по тому, как он держит сумку — прижав к себе или болтая. По тому, как он оборачивается — резко, с вызовом, или медленно, с опаской. Терпила оборачивается медленно. Нетерпила — не оборачивается вообще.

Рынок — пусто. Не людей — людей было много. Пусто — по части терпил. Все, кто попадались, были либо крепкие, либо шумные, либо в группе. Ни одного — одного, робкого, прижимающего сумку. Рынок не дал.

Сергей пошёл в центр. Центр был — пара улиц, площадь, магазин «Под Мостом», переход. Люди шли — мимо, мимо, мимо. Сергей шёл и смотрел. И вдруг — попался. Сладенький.

Мальчишка. Одного возраста примерно, может чуть помладше. Худой, в светлой куртке, с пакетом — шёл от магазина. Шёл быстро, но не уверенно — быстро от страха, не

от уверенности. Плечи — внутрь. Голова — вниз. Пакет — прижат к животу. Терпила. Классический. Сергей видел это как яркий свет — как будто парень светился: «Я — жертва. Возьми меня».

Сергей подошёл. Быстро, тихо, сзади. Положил руку на плечо — не сильно, но ощутимо. Мальчишка вздрогнул — всем телом, как от удара током.

— Стоять, — сказал Сергей. Голос был ровный, спокойный. Не злой — деловой. Как в спецшколе говорили: без эмоций. Эмоция — это слабость. Дело — это сила.

Мальчишка остановился. Повернул голову — медленно, с опаской. Глаза — большие, испуганные. Губы — приоткрыты, как будто хотел что-то сказать, но забыл что.

— Чё? — спросил Сергей. — Как тебя зовут?

— В-Вася, — выдавил мальчишка. Голос был тонкий, дрожащий. Как струна, которую дёргают.

— Вася, — повторил Сергей. Не издеваясь. Просто — запоминая. Имя — это власть. Когда ты знаешь имя, ты уже — старше. Уже — сильнее. — Вася. Ну, здравствуй, Вася.

— З-здравствуйте...

— Здравствуйте — это хорошо. Вежливый. — Сергей посмотрел ему в глаза. Прямо, не мигая. В спецшколе научили: смотри в глаза. Не отводи. Кто отводит — тот слабый. — Деньги есть?

Вася мялся. Переступил с ноги на ногу. Пакет прижал крепче.

— Н-нету, — сказал он. — Нету денег.

Сергей не торопился. Стоял, смотрел. Ждал. Молчание — оружие. Тишина давит. Тишина — это когда человек сам себя накручивает, сам решает сдаться, потому что тишина страшнее слов.

— Нету, значит, — сказал Сергей. Спокойно. — Ладно. А если найду — что тогда?

Вася побледнел. Не побелел — побледнел. Как будто из него вылили кровь. Лицо стало серым, прозрачным.

— А если найду, — продолжил Сергей, — то разобью тебе всю морду.

Он сказал это без угрозы, без крика. Тихо, буднично, как прогноз погоды. Завтра — дождь. Послезавтра — мордобой. Это — не эмоция. Это — расписание.

Вася мялся, не знал, что делать. Стоял, переминался, смотрел в асфальт. Пакет дрожал в его руках — мелко, часто, как лист на ветру. В оконцовке он сказал:

— Да... есть деньги.

— Сколько? — спросил Сергей.

— Не знаю... Родители послали за продуктами. На молоко, на хлеб...

— Давай гони всё сюда, — сказал Сергей. Не грубо. Ровно. Как будто просил прикурить.

Вася полез в карман — медленно, трясущимися руками. Достал мятые купюры — мелкие, сто-, двухсотрублёвые. Протянул Сергею. Руки дрожали. Сергей взял. Пересчитал

— быстро, не показывая, что считает. Сколько было — уж он точно не помнил. Но хватило. Хватило на несколько пацек сигарет, на бутылку пива — и не одну.

Сергей спрятал деньги в карман. Посмотрел на Васю. Вася стоял — маленький, серый, дрожащий. Пакет прижат к груди. Ждал. Ждал, когда можно будет уйти. Ждал разрешения.

Сергей наклонился к нему — близко, вплотную. Почувствовал запах — дешёвый одеколон, пот, страх. Страх пахнет. Это Сергей знал. Страх — кислый, резкий, как несвежий хлеб.

— Слушай, Вася, — сказал Сергей тихо, глядя в глаза. — Ты меня знаешь?

— Н-нет...

— Я — Пешков. Сергей Пешков. Запомни. Если ты пойдёшь в милицию — я тебя найду. И убью. Понял?

Вася кивнул. Быстро, мелко, как собачка, которую дрессируют.

— Повтори, — сказал Сергей.

— Я... понял. Я не пойду.

— Не пойдёшь — правильно. Умный мальчик. Иди, Вася. Иди домой. И забудь.

Вася развернулся — быстро, судорожно — и пошёл. Почти побежал. Не оглядываясь. Ноги — мелкие, торопливые. Пакет — прижат к груди. Сергей смотрел ему вслед и чувствовал — ничего. Ни жалости, ни злости, ни радости. Ничего. Пусто. Как в том доме, где «здравствуйте» и «чай бу-

дешь?». Он сделал то, что сделал, и пошёл дальше. Вася исчез — как мираж, как лицо в толпе, как человек, которого ограбили и который побежал домой, и который — да, не пойдёт в милицию. Потому что поверил. Потому что страшно. Потому что Сергей сказал — и Сергей сделает. Так думал Вася. И так думал Сергей. Слова, которыми потерпевшему на самом деле внушили доверие. Не угрозой — тоном. Не силой — спокойствием. Спокойный страшнее злого. Злой — может остыть. Спокойный — уже холодный.

Сергей не знал ещё, чем всё это обернётся. Что это уже не школьная может быть шалость. Что Вася — не мираж. Что имя и лицо — запомнят. Что это — не первый шаг, а первый камень. И камни — складываются в стену. И стена — растёт. И скоро — за стеной окажется он сам.

Но тогда Сергею было всё равно. Ему нужны были деньги на карманные расходы. И это — один из самых удобных, быстрых вариантов. Не работа — работа где найдёшь в 99-м, в городе, где заводы закрываются? Не просить — просить у кого? У матери, которая не смотрит? У отца, который «здравствуйте»? Нет. Грабить. Быстро, просто, понятно. Берёшь — и уходишь. Никаких объяснений. Никаких «пожалуйста» и «спасибо». Просто — берёшь.

Сергей купил сигареты. Купил себе зажигалку — простую, пластиковую, прозрачную. Первая затяжка — и лёгкие наполнились дымом, горьким, тёплым, родным. В спецшколе курили — но сигареты были чужие, краденые, мятые,

мокрые. Здесь — своя пачка, своя зажигалка, свой дым. Свобода — пахла табаком и жжёной пластмассой. Он затаился ещё раз, и ещё, и шёл, и курил, и впервые за несколько дней — дышал.

Глава 6. Парк у реки

Сергей гулял так же по городу, может ещё кого-нибудь поймает из терпил, но никого больше не встретил. Город как будто выветрился — все терпилы попрятались, как тараканы, когда свет включили. Или просто — день был такой, или просто — одного хватило. Одного — на сигареты, на пиво, на первый вздох свободы. Второго — не надо. Пока.

Пошёл гулять в парк. В Сургуте есть парк — старый, запущенный, с аллеями, с деревьями, с лавочками, у которых ножки проросли в землю. Сразу за парком — пляж. Река Пассол, которая протекает в городе. Река — не широкая, не глубокая, вода тёмная, как чай, и пахнет болотом. Но — река. Живая. Течёт. И на пляже — песок, галька, мусор, бычки, бутылки. Настоящий сибирский пляж — не курорт, а место, где моются и пьют.

В парке обычно собирались летом — там, где были машинки магнитные, на которых катались. Детские машинки, маленькие, железные, с проводами, тянувшимися к потолку. Днём — дети, с родителями. Вечером — раздвигали машинки по сторонам, за сеткой была дискотека, и там частенько собиралась молодёжь компаниями. Музыка — из коло-

нок, старых, хриплых, которые басом дребезжали, и стены парка дрожали, и окна соседних домов — тоже. Танцы — не бальные. Просто — прыгали, толкались, смеялись. Кто-то пил пиво. Кто-то курил. Кто-то целовался за углом. Жизнь — простая, молодая, сибирская.

Сергей тоже пошёл посмотреть, может быть кого-нибудь встретит из своих знакомых. Взял пиво «Балтику тройку» — в пластике, холодную, с каплями на бутылке. Нашёл лавочку — в стороне, в тени, под деревом. Сел. Открутил крышку. Глотнул. Пиво было горькое, холодное, с привкусом железа. Но — пиво. Свой. Купленный. Не украденный, не выпрошенный — купленный. На свои. Ну, на свои — это громко сказано. На Васины. Но Вася уже не считал. Вася был — далеко, дома, дрожащий, забытый. А пиво — здесь, в руке, холодное, настоящее.

Медленно, не торопясь пил пиво. Растягивал удовольствие. Курил сигареты — одну за другой, нечасто, с паузами. Смотрел. Как солнце садится за деревья, как тени удлиняются, как парк наполняется — людьми, голосами, смехом. Жизнь шла — мимо него, вокруг него, без него. Он сидел на лавочке, и жизнь текла, как река — огибала его, обтекала, не задевая. Он был — камень в реке. Вода бежит — камень стоит.

И в оконцовке увидел компании. Даже показались ему знакомые голоса — чей-то смех, чей-то оклик, чей-то мат. Голоса — как отпечатки пальцев: каждый свой. Он прислу-

шался. Да. Знакомые. И на самом деле в этих компаниях некоторых мальчишек он знал. Знал Дениса — тот был где-то ровесником Сергея, может чуть постарше. И пару девчонок — по лицам, по именам, по дворам.

Денис стоял в центре компании — как всегда. В центре — потому что умел. Умел быть в центре, умел говорить громко, умел смеяться так, чтобы все слышали. Денис был — выскочка. Высокий, blond, в новых шмотках, с голливудской улыбкой и манерами, которые раздражали. Он был высокомерный — не злой, нет. Высокомерный. Смотрел на людей — как из окна второго этажа. Сверху. Чуть свысока. Не потому что лучше — а потому что богаче. И знал это. И хотел, чтобы другие знали.

Сергей подошёл. Не сразу — постоял, посмотрел, прислушался. Потом — шагнул.

— Здорово, — сказал он.

— О! — Денис обернулся. — Это кто? Серый?! Ты чё, откуда?

— Да так, — сказал Сергей. — Вернулся. Давно не виделись.

— Во! Ну здорово! А мы слышали, что тебя...

— Отдыхал, — перебил Сергей. Коротко. — На курорте был. Закрытого типа.

— На курорте? — Денис засмеялся. — На курорте он был! Ну и как курорт?

— Нормально, — сказал Сергей. — Питание, прожива-

ние, всё включено. Как в Турции. Только забор повыше.

Девчонки засмеялись. Денис — тоже, но не сильно. Он посмотрел на Сергея — оценивающе, скользнул взглядом по кроссовкам казённым, по футболке короткой. Сергей заметил этот взгляд — и запомнил. Денис смотрел на одежду, как на цену. Человек — это сколько на нём надето. Если мало — мало стоит. Если много — много. Сергей стоил мало. Денис — много. И оба это знали.

— Ну, — Денис хлопнул Сергея по плечу — легко, небрежно, как хлопают по плечу того, кого не боятся. — Рад, что вернулся. С возвращением, типа.

— Ага, — сказал Сергей. — Спасибо.

Он не стал им рассказывать, что был там в спецшколе закрытого типа. Так — отдыхал на курорте. И всё. Враньё — но удобное. Все довольны: они — не знают, он — не объясняет. Правда — тяжёлая. Враньё — лёгкое. В компании — нужно лёгкое.

Сергей достал сигареты. Закурил. Денис тоже достал — свои. Сигареты Дениса были дорогие — в красивой пачке, с фильтром, импортные. Сергей — свои. Дешёвые. Но — свои. Он не просил у Дениса. Не будет. Не из гордости — из принципа. Брать — можно. Просить — нельзя. Просить — это унижаться. Брать — это брать.

Денис раздражал. Раздражал — сильно, постоянно, как комар, который звенит над ухом. Не тем, что он был — а тем, как он себя вёл. Постоянно бахвалился, хвастался перед

девчонками:

— Вон, смотри, куртка новая. Мать с Москвы привезла. Не найдёшь такую здесь.

— А вот эти кроссовки — «Адидас», настоящие. Не подделка. Триста баксов.

— А мать мне ещё часы обещала. «Касио». Японские. На руке — как у Шварценеггера.

Он говорил это — громко, так, чтобы все слышали. Чтобы все знали. Чтобы девчонки смотрели. И девчонки смотрели. И Денис жил в этих взглядах — как рыба в воде. Ему нужен был зритель. Без зрителя он — никто. С зрителем — звезда.

Мать его одна воспитывала. Отца не было — ушёл, или не было никогда, Сергей не знал. Мать была коммерсанткой — в 99-м это слово звучало гордо. Коммерсант — значит, умеет зарабатывать. Значит, выживает. И за этого она мать ему давала всё, что он захотел. Всё — потому что могла. И потому что чувствовала вину — за то, что отец ушёл, за то, что она одна, за то, что мальчику не хватает мужского. И заливала вину — вещами. Куртками, кроссовками, часами. Заливала — как заливают яму бетоном. Яма — остаётся. Бетон — сверху. Красиво. Но — пусто.

Сергей слушал Дениса и молчал. Молчал и запоминал. Запоминал — не слова, а тон. Тон — вот этот, сверху вниз. Вот этот, «я — лучше». Вот этот, «у меня — есть, у тебя — нет». Сергей запоминал — потому что знал: это пригодится. Не сегодня — потом. Когда-нибудь. Этот тон — это вызов. А на

вызов — отвечают. Не словами — делом.

Ну, Сергей так прогулял с ними до самого позднего вечера. Пил пиво, курил, слушал, молчал. Иногда шутил — коротко, сухо, и ребята смеялись. Иногда — молчал, и тогда молчание было как стена: все знали, что он здесь, но не лезли. Он был — свой, но не совсем. Был — но не полностью. Четыре года отсутствия — это как дырка в ткани: можно зашить, но шов виден.

Когда уже за полночь начали расходиться ребята — парами, группами, по одному. Девчонки ушли — домой, с обещаниями позвонить, с поцелуями в щёку. Денис ушёл — последний, громко, с реверансом, крикнув: «Ну, всё, народ, не кучкуемся!». И — тишина.

Сергей остался один. Стоял в пустом парке, под фонарём, который мигал — жёлтый, больной. Ночь была тёмная, тёплая, с запахом реки и хвои. И — тишина. Та самая. Не тёплая, не холодная. Просто — тишина. Он стоял и думал: куда?

Домой — пьяному идти резона нет. Потому что это будет стопроцентная ругань. Мать — увидит, учует, скажет. Не «сынок, ты выпил» — нет. «Скотина, опять напился». Или молча — но так, что молчание бьёт. Отец — промолчит или скажет что-то короткое, тяжёлое, как гвоздь. Не пойдёт. Не сегодня. Не сейчас.

Пошёл думать что-нибудь насчёт ночлега. Пошёл в подъезд — рядом с их домом были девятиэтажки. Огромные, серые, панельные, с тысячей окон, в которых горел свет — жёл-

тый, тёплый, чужой. Чужой свет в чужих окнах. Чужое тепло. Чужой дом.

Это был самый оптимальный вариант, где можно было поспать. Подъезд — не квартира, но — крыша. Не кровать, но — пол. Не дом, но — стены. Стены — это уже что-то. На улице — ничего. В подъезде — хоть стены.

Вот он зашёл в подъезд. Дверь была открыта — вернее, двери не было, просто проём. Тёмный, пахнувший мочой и плесенью. Лестница — бетонная, холодная. Почтовые ящики — ряды железных, ржавых, с прорехами. Сергей открыл несколько — пустые, ржавые, с мусором. Набрал газет — мятых, старых, с заголовками про кризис и про выборы. Постелил под задницу — на ступень, в углу, где не дует. Сел. Попробовал прилечь — осторожно, на бок, свернувшись. Бетон был холодный, жёсткий, и сразу забрал тепло — из тела, из костей. Газеты не помогали — они были слишком тонкие, слишком жалкие. Но — лучше, чем ничего.

Дремал очень чутко. Не спал — дремал. Одним ухом — слушал. Каждое движение, каждый шорох, каждый шаг. Шаги на лестнице — кого? Сосед? Чужой? Мент? Вор? В каждом звуке — угроза. Сергей лежал и слушал — всем телом, кожей, затылком. Спать — нельзя. Спать — значит сдать. Спать — значит стать добычей. Чуткость — это жизнь. Глубокий сон — это роскошь для тех, у кого есть дверь, замок, ключ. У Сергея — ни двери, ни замка, ни ключа.

Соном это нельзя было назвать. Это было — дремота. Те-

ло отдыхало, но голова — нет. Голова крутилась — мысли, образы, обрывки. Вот мать — не смотрит. Вот отец — «здравствуйте». Вот тётя Надя — «Серёжа!». Вот Денис — «куртка новая, мать с Москвы». Вот Вася — дрожащий, с пакетом. Вот река — тёмная, холодная, flowing.

И ему стало — легче. Не хорошо — легче. С одной стороны — легче. Он не дома. На него не давят эти косые взгляды, что ли, давали ему понять, что ты здесь не нужен, уходи. Здесь — в подъезде — никто на него не смотрел. Здесь — в темноте — он был один. И в одиночестве — свобода. Горькая, холодная, бетонная — но свобода. Никто не говорил «здравствуйте». Никто не говорил «чай будешь?». Никто не говорил ничего. И это «ничего» — было лучше, чем «здравствуйте».

Просто сказать в открытую этого ему не могли — что «уйди». Не могли, потому что нельзя. Он — сын. Но он понимал, что он там не нужен. Что он там чужой. Что это не его семья. Он лежал на холодном бетоне, на мятых газетах, в чужом подъезде, и думал: для чего его родили? Для чего? Чтоб вот так он мучился? Чтоб лежал на ступеньках, как собака? Чтоб грабил терпил на деньги? Чтоб пил пиво один? Да лучше бы он вообще не родился. Лучше бы — не было. Ни его, ни спецшколы, ни забора, ни цепи, ни сундука. Ничего.

Сергей так с этими мыслями караулил, оберегая себя. Думал, что будет завтра, как пройдёт день. Он уже не обращал внимания — на усталость, на холод, на голод. Всё это ста-

ло фоном, шумом, нормой. Он понял главное: надо уезжать. Уезжать из этого города. Здесь — ничего. Здесь — пусто. Здесь — дом, который не дом, и семья, которая не семья. Надо — в другой город. Туда, где никто не знает. Где можно начать. Не заново — с нуля. С чистого листа. Без «Пешков», без «спецшкола», без «здравствуйте».

Ну надо, чтобы уехать, надо, чтобы были деньги хоть какие-то на первое время. Он начал продумывать варианты. Где можно разжиться деньгами, чтобы куда-то что-то двинуться и где-то с чего-то начать всё заново. Это было не так просто. Работы — нет. Знакомых с деньгами — нет. Способов — мало. Грабить — можно, но мало, и опасно, и — Вася уже был, второй Вася — это риск. Продавать — нечего. Просить — не у кого. Воровать — вот. Воровать — это другой разговор. Воровать — не грабить. Грабить — это в лицо, с угрозой, со страхом. Воровать — это тихо, аккуратно, незаметно. Воровать — это ум. Грабить — это сила.

И тут он вспомнил. Денис. Надоевшего выскочку Дениса. Вчера — нет, сегодня — Денис горевал, нет, хвастался, что у него мать приехала с Эмиратов, привезла кучу новой одежды. Сергей это хорошо запомнил. Запомнил — как Денис говорил, как девчонки смотрели, как Денис радовался — не вещам, а тому, что на него смотрят. Новая одежда — куртки, джинсы, футболки. Дорогие. Брендовые. В Эмиратах — дешёвые, здесь — дорогие. Если взять — продать. Если продать — деньги. Если деньги — билет. Если билет — свобода.

Значит, на следующий день Сергею надо было отыскать эту компанию. И попробовать как-нибудь стиснуть ключи у Дениса. Не отобрать — стиснуть. Аккуратно, незаметно. Чтобы Денис не заметил. Чтобы — потом, когда заметит, было поздно. Ключи — от квартиры. Квартира — где вещи. Вещи — где деньги. Цепочка простая, как задача по арифметике: ключи → квартира → вещи → деньги → билет → свобода. Шесть шагов. Шесть — немного. Шесть — это мало. Шесть — это — можно.

С этими мыслями Сергей уснул. Не уснул — подрёмывал. Чутко, тихо, одним ухом. Часов до шести. Потом начали хлопаться двери — соседи, люди, жизнь. Начал ездить лифт — гулко, натужно, с металлическим лязгом. Сергей, чтоб его никто не заметил, встал. Тихо, быстро, без шума. Собрал газеты — смял, засунул в урну. Затёр следы — как учили. Не оставляй. Не оставляй ничего. После себя — чисто. Не потому что чистота — а потому что след. След — это улика. Улика — это повод. Повод — это мент. Мент — это забор.

Глава 7. Утро без утра

Вышел из подъезда. Было раннее утро — шесть, может чуть больше. Солнце уже встало — сибирское лето, солнце рано. Но солнце — не грело. Или грело — но Сергей не чувствовал. Он не выспался. Тело — затёкшее, холодное, как у трупа. Спина — не спина, а доска. Шея — не шея, а кол. Ноги — ватные. Глаза — песок. Хотелось спать — так, что

всё остальное не имело значения. Не есть, не пить, не жить — спать.

Он думал, где бы ещё подремать. Но прилечь было негде. Парк — открыто, видно, прохожие. Двор — то же. Школа — лето, закрыта. Гаражи — есть, но люди уже ходят, могут спросить: «Ты чё тут?». Нельзя. Негде.

Он не позавтракав, не умывшись, ничё шараялся по улицам. Не знал куда припереться, присесть, где можно было подремать спокойно, чтобы его никто не беспокоил. Город был утренний — свежий, пустой, тихий. Люди шли на работу — мимо, быстро, с сумками, с глазами в асфальт. Никто не смотрел на пацана в мятой футболке, с красными глазами, с лицом, которое не спало. Он был — невидим. Опять. Всегда.

Мальчишек-девчонок он знал, что ещё раньше обеда он никого не найдёт. Они спали — после вчерашнего, после парка, после пива. Подростки спят долго — пока мать не разбудит, пока не прогонит из кровати. До обеда — мёртвый час. Можно — не искать. Можно — ждать.

Он сходил на рынок. Не грабить — работать. Попробовал кому-то помочь — за несколько помидор, за огурцы. Перетащить ящики, разложить продукты. Торговцы смотрели — оценивающе. Пацан, худой, с татуировкой на руке. Не слишком ли? Не сбежит ли? Не украдёт ли? Но Сергей работал — молча, быстро, без разговоров. Таскал ящики — тяжёлые, деревянные, с яблоками, с помидорами. Раскладывал — аккуратно, как учили: ровно, рядами, лицом вверх. Рабо-

тал — и забывал. Забывал про ночь, про бетон, про холод, про «здравствуйте». Тело работало — голова отдыхала. Руки заняты — мысли улеглись.

Помидоры — за труд. Три, четыре. Огурцы — два. Тёплые, мягкие, с запахом земли. Он ел их — стоя, за прилавком, не отходя. Ел — жадно, быстро, с кожурой, с хвостиками. Сок тек по подбородку — красный, тёплый, сладкий. Первая еда за день. Не «чай без сахара». Не «заварка как всем». Помидоры. Заработанные. Свои. Он ел и чувствовал: вот так — правильно. Вот так — надо. Работать — есть. Не грабить — а работать. Но — работы мало. Помидоров — мало. Денег — нет. Работать — можно, но не на это уедешь.

Ну вот так он пока ждал полудня. Ждал, когда появится Денис с девчонками. Когда можно будет думать что-то дальше. Когда — компания, смех, голоса. Когда — можно будет подойти, поздороваться, сесть рядом. Когда — можно будет стиснуть ключи. Аккуратно, тихо, незаметно. Как в спецшколе учили: не торопись, не дёргайся, не светись. Жди — и момент придёт. Момент — всегда приходит. Надо — ждать. Надо — быть рядом. Надо — смотреть. И когда Денис полезет в карман за сигаретами, за зажигалкой, за чем угодно — ключи будут видны. Ключи — в кармане. Карман — открыт. Рука — рядом. Быстро, тихо, незаметно. Как вдох. Как выдох. Как — ничего не было.

Сергей сидел на лавочке у рынка, грыз помидор, смотрел на солнце. Солнце было высокое, яркое, жёлтое. Жара начи-

налась. Лето — продолжалось. Июнь. Ещё — июнь. Впереди — июль, август. Три месяца. Много. Или — мало. Зависит — от того, как считать. По дням — много. По делам — мало. Одно дело — ключи. Если ключи — то дальше. Если дальше — то билет. Если билет — то свобода. Если свобода — то — жизнь. Новая. Чистая. Без «здравствуйте». Без сундука. Без цепи.

Если.

Сергей доел помидор, вытер руку о джинсы, и ждал.

Глава 8. Ключи

К полудню Сергей так и встретился в парке с девчонками. Они сидели на лавочках у дискотечной площадки — машинки уже задвинули, сетка натянута, колонки молчали до вечера. Девчонки — три, четыре — в коротких топах, в джинсах, с глянцевыми губами и тонкими сигаретами. Смех, болтовня, кто-то кому-то рассказывал про вчерашнее, кто-то жаловался на мать, кто-то хвастал новыми кедами. Обычный летний день. Обычная компания. Сергей сидел рядом — молчаливый, внимательный, с пивом «Балтика тройка» в руке. Пиво уже тёплое, но он пил — медленно, по глотку, растягивая. Не ради вкуса — ради присутствия. Чтобы быть — здесь. Со всеми. Как все. Не сундук — человек.

Чуть позже, ближе к обеду, подошёл Денис. Как всегда — громко, заметно, с шумом. Крикнул издалека:

— О, народ! Не скучаем?

— Дениска! Наконец-то! — девчонки заулыбались, заше-

велились. Денис любил это — когда его ждали. Когда его приход замечали. Он шёл к ним — уверенный, высокий, в новых джинсах, в белой футболке, с солнечными очками на голове. Смотрел на мир — поверх стёкол.

— Серый! — Денис увидел Сергея, хлопнул по плечу. — Ты чё, вчера так рано свалил? Мы ещё гуляли!

— Да так, — сказал Сергей. — Дел полно. Надо было бежать.

— Дел он! — Денис засмеялся. — Какие у тебя дела? Ты ж на курорте был, отдыхающий!

— Отдых закончился, — сказал Сергей. Коротко. Без улыбки.

Денис не заметил — или не захотел заметить. Он уже рассказывал девчонкам про новые шмотки:

— Вчера мать распаковала — вы бы видели! Джинсовый костюм, фирменный, из самого Дубая. Не найдёшь здесь. И кроссовки — «Найк», настоящие. Не подделка.

— Денис, ты всю жизнь в фирменном ходишь, — сказала одна девчонка. Лена, кажется. — У тебя мать что, миллионерша?

— Ближе к тому, — Денис усмехнулся. — Коммерсант. В Эмиратах закупает, здесь продаёт. Бизнес.

Сергей слушал и молчал. Слушал — и смотрел. Смотрел на Дениса — на его руки, на карманы, на то, как он двигался. Он не слышал слов — он видел движение. Куда Денис клал руки, куда лез, откуда доставал сигареты, зажигалку,

телефон. Каждый жест — карта. Каждый карман — точка на карте. Сергей читал Дениса, как книгу — не глазами, а периферией. Боковым зрением. Так, чтобы не было видно, что он читает.

Сергей болтали обо всём да о всяком. То с девчонками поболтает, посмеётся, пошутит. То молчит — и тогда лицо его становилось ровным, спокойным, как вода без ветра. Он пытался найти момент. Момент — это когда Денис расслабится. Когда забудет про карманы, про ключи, про осторожность. Когда — внимание уйдёт в разговор, в смех, в девчонку. Когда — можно.

И вот он уловил момент. Денис снял куртку — джинсовую, синюю, модную, с нашивками. Снял — потому что жарко. Солнце пекло, пот катился, и Денис стянул куртку одним движением — небрежно, легко — и повесил её на спинку лавки. На спинку — где все вешают. Не подумал. Не проверил карманы. Просто — снял и бросил. Как бросают то, что не ценно. Куртка — не ценно. Ценно — внутри.

Сергей присел на лавочку — рядом с курткой. Тоже болтал ни о чём, да обо всём. Девчонки смеялись, кто-то рассказывал про школу, про кого-то, про что-то. Сергей смеялся — в нужных местах, кивал в нужных местах. Но руки — руки работали отдельно. Руки — не принадлежали разговору. Руки принадлежали делу.

Незаметно — пальцы скользнули в карман куртки. Левый, внутренний. Там — ключи. Брелок — пластмассовый, круг-

лый, с эмблемой машины. Денис любил брелоки — как и всё, что блестит и стоит денег. Ключи — два: один от квартиры, один от чего-то ещё, может, от подвала или от гаража. Сергей нащупал их — пальцами, не глядя. Холодные, металлические, тяжёлые. Вытащил — медленно, плавно, без рывка. Как вдох. Как выдох. Ключи скользнули в его карман — в правый, глубокий, и легли там тихо, без звука.

Полдела уже было сделано.

Сергей не дёрнулся. Не ускорил дыхание. Не посмотрел на Дениса. Продолжал болтать, смеяться, кивать. Лицо — ровное. Руки — спокойные. Пульс — ровный. В спецшколе учили: после того как взял — живи как обычно. Не меняй ритма. Не меняй выражения. Не уходи сразу. Уход — это сигнал. Сигнал — это конец. Уходить надо — потом. Когда всё забыли. Когда — ничего не было.

Теперь надо найти причину. Причину — чтобы объяснить своё отсутствие. Нельзя просто встать и уйти — это заметно. Надо — причину. Естественную, простую, обычную. Причину, которую не запомнят. Которая — как «пойду попить» или «мне позвонили». Мелочь. Ничто. Но — достаточна, чтобы исчезнуть.

Сергей знал, что у Дениса мать работает на рынке. Торговля. Стол, палатка, товар. С утра до вечера — на рынке. До вечера — точно. Значит, квартира пустая. До вечера. А Денис — здесь, с девчонками, будет болтать до вечера. Это — точно. Денис не уйдёт раньше, потому что девчонки —

это его сцена. Сцена — до темноты. Значит, время — есть. Но — не много. Часа три, может четыре. Если управиться — хорошо. Если нет — плохо.

Сергей подождал. Минут десять. Пятнадцать. Болтал. Смеялся. Потом — как бы невзначай:

— Ладно, народ, мне надо отлучиться. В центр, по делам.

— По каким делам? — спросила Лена.

— Да по работе. Надо кое-куда заскочить. Мало ли, может, что найду на лето.

— На работу? — Денис усмехнулся. — Ты? Серый, ты ж курортник!

— Курортник-курортник, — сказал Сергей. — А жрать хочу. Вот и пойду, поищу.

— Ну удачи, — сказал Денис. Не глядя. Не думая. Денис не думал о Сергее — Денис думал о себе. О девчонках. О том, как он выглядит на этом солнышке, в этой футболке, с этими плечами. Сергей — мелочь. Сергей — фон. Сергей — ушёл и ушёл.

Ребятня ему вся попрощалась, помахался с девчонками, сказал, что увидятся. Махнул — легко, небрежно, как машут тем, кто вернётся. Потихоньку улёзнул. Не быстро — средним шагом. Не оглядываясь. Не ускоряя. Шёл — как шёл бы любой, кто идёт в центр. Нормально. Обычно. Ничего особенного.

А когда свернул за угол, за деревья, за пределы парка — ускорился. Сильно. Ноги пошли — быстро, часто, как у сол-

дата на марше. Не бег — бег замечен. Быстрый шаг. Цельный, ровный, без остановок. Он шёл — и думал: ключи в кармане, ключи тёплые от тела, ключи — вот они, рядом. Полдела. Полдела — сделано. Теперь — вторая половина. Вторая — сложнее. Вторая — это квартира. Чужая. Денисова. С вещами, с сумками, с деньгами. Если повезёт — с деньгами. Если не повезёт — с вещами. Вещи — тоже деньги. Но деньги — лучше.

Глава 9. Квартира

Он быстрым темпом шёл от парка. Прилично надо было пройти — через несколько улиц, мимо рынка, мимо школы, мимо автостанции. До «Китайской стены» — так назывался дом, изогнутый девятиэтажный, красный. Красный кирпич, изогнутый фасад, длинный, как змея. Дом выглядел странно — среди серых панельных коробок он был как хребет динозавра, выгнутый, красный, зубчатый окнами. Почему «Китайская стена» — Сергей не знал. Может, из-за изгиба. Может, из-за длины. Может, кто-то пошутил, и прижилось. В Сургуте многое приживалось от шуток — названия, клички, песни. Так и жили.

В течение двадцати минут он добрался до нужного дома. Зашёл в подъезд — быстро, уверенно, как свой. Не оглядываясь, не hesitate. Подъезд был чистый — не то что его, с мочой и плесенью. Здесь — плитка на полу, лифт — рабочий, кнопки — целые. Дом новый, дом Денисов. Дом, где живут

те, у кого деньги. Здесь — чисто, светло, тепло. Здесь — не как у Сергея. Здесь — другой мир. За одной дверью — деньги. За другой — сундук.

Ему никто не попадался на пути. Тихо. Пусто. Летний день — все на улице, на дачах, на речке. Подъезд — как вымерший. Тишина — та, которая не давит, а прячет. Хорошая тишина. Удобная. Он поднялся на седьмой этаж в лифте — быстро, гулко, с покачиванием. Лифт был старый, с решётчатыми дверями, с лампочкой, которая мигала. На седьмом этаже вышел. Прислушался. Тихо. Ни музыки, ни голосов, ни телевизора. Пусто. Хорошо.

Подошёл к двери. Дверь — обычная, деревянная, с обивкой. Не железная, как у его отца. Здесь — не боялись. Здесь — не ставили железо. Здесь — соседей не боялись, воров — не ждали. Может, зря. Сергей достал ключи — из правого кармана, где они лежали, тёплые, тихие. Вставил — в замок. Ключ вошёл — гладко, без сопротивления. Провернул — щелчок. Мягкий, короткий. Открыл быстро дверь — похозяйски, как свою. Не дёргал, не тянул — толкнул. Дверь поддалась — плавно, без скрипа.

Закрыв за собой — сразу. Изнутри. Щелчок. И — всё. Он внутри. Он — в квартире Дениса. Один. С ключами. С временем. С тишиной.

Остановился. Постоял. Прислушался. Тишина — абсолютная. Только холодильник гудел — ровно, низко, как кот, который мурчит во сне. И где-то далеко, за окном, — дет-

ский голос на улице, и машина проехала, и — снова тишина.

Вся квартира была заставлена сумками. Челночными, барыжскими сумками. Сумки стояли — везде: в коридоре, в комнате, на кухне. Большие, пёстрые, с замками-молниями, с этикетками на арабском, с запахом пластмассы и ткани. Сумки — из Эмиратов, из Дубая, из тех мест, про которые Сергей слышал только по телевизору. Мать Дениса не врала — она действительно привезла много вещей. Очень много. Кучу. Горы. Сумка на сумке, пакет на пакете. Вещи — новые, с бирками, с этикетками, с ценами в дирхамах. Футболки, джинсы, куртки, платья, обувь, сумки, часы — всё новое, всё фирменное, всё — дорогое. На самом деле он не врал, что мама привезла много вещей из Эмиратов.

Сергей недолго думая начал шнырять по сумкам. Быстро, аккуратно, не разбрасывая. Руки — ловкие, привычные. В спецшколе учили: не сори. Не оставляй следов. Бери — и закрывай. Каждую сумку — открыл, заглянул, оценил, закрыл. Выбирал — чё поинтереснее, чё по его размеру. Его размер — маленький. Худой, сухой, рост — средний. Не всё подходило. Денис — крупнее, выше. Но мать привезла и мелкое — для младших, для родственников, на продажу. Сергей выбирал — тщательно, как в магазине. Примерял — быстро, на глаз. Футболки — три, четыре. Джинсы — две пары. Кроссовки — одни, почти его размер. Куртка — лёгкая, летняя, с капюшоном.

Вот Сергей собрал кучу вещей своего размера. Куча —

на полу, в комнате, у дивана. Посмотрел — оценил. Хватит. Хватит — на первое время. На продажу — если что. На себя — если что. Он начал раздеваться — прямо там, в квартире Дениса. Снял свою — казённую, серую, стоптанную. Футболку — мятую, тонкую, с пятном от пива. Кроссовки — казённые, серые, стоптанные. Снял — и бросил на пол. Встал — голый, худой, жилистый, с татуировкой на левой руке, с мозолями на костяшках. Стоял посреди чужой квартиры — голый, как новорождённый. Только — не новорождённый. Четырнадцать лет, татуировка, глаза, которые знали слишком много.

Одел всё на себя — новое. Футболка — чистая, белая, мягкая. Джинсы — тёмные, плотные, с биркой. Кроссовки — новые, белые, пахнущие кожей и резиной. Куртка — лёгкая, на молнии. Он оделся — и стал другим. Не Пешков из спецшколы. Не пацан в казённом. Человек. Нормальный. Чистый. Новый. Как будто — начал. Как будто — стёр. Надел новую кожу — и старая осталась на полу, в чужой квартире, у чужого дивана. На минуту — минуту! — он почувствовал себя хорошо. Чисто. Свежо. Ново. Как после душа. Как после реки.

И тут — из сумки, когда он вытаскивал джинсовый костюм — что-то выпало. Не костюм — нет. Из сумки, из-под ткани, из-под слоя одежды — вывалился рулон. Скрученный толстой резинкой. Рулон — плотный, тугой, круглый. Бумага. Не бумага — деньги. Купюры. Скрученные, свёрнутые,

перетянутые резинкой. Небольшая такая колбаска — денег. Он поднял — с пола. Тяжёлая. Пальцы ощутили — плотность, шершавость. Деньги.

Сердце — стукнуло. Один раз. Сильно. Как кулаком в грудь. И — успокоилось.

Он пересчитал — быстро, руками, не садясь, стоя. Купюры — разные: пятисотки, тысячные, двухсотки. Перебирал — как в банке, как кассир. Руки — не дрожали. Глаза — считали. Итог — двадцать три тысячи. Двадцать три. Тысячи.

Он сразу обрадовался — не засмеялся, нет, не запрыгал. Обрадовался — внутри. Тепло пошло — от живота, по рёбрам, к горлу. Тепло — как чай. Как крепкий, горячий чай. Но не из «чай будешь?» — из удачи. Из жизни, которая — впервые, может быть — подкинула. Думает: «Нормально. Значит, сегодня удача на его стороне».

Двадцать три тысячи. В 99-м это — деньги. Большие деньги. На это можно жить. На это можно уехать. На это можно — начать. Билет, дорога, еда, крыша — на первое время. На первое — хватит. А дальше — дальше будет видно. Дальше — он найдёт. Он всегда находил.

И в этот же момент — трезвость. Холодная, резкая, как вода из-под крана. Теперь он понимал точно: назад дороги никакой нет. Единственный вариант — бежать. Бежать из города. Потому что его объявят в розыск. Его будут искать. Денис обнаружит пропажу — сегодня, вечером, когда придёт домой. Заметит, что сумки вскрыты, что вещи пропали, что

деньги — нет. Позвонит — матери, в милицию. Милиция — приедет, посмотрит, составит протокол. Опросят — кого? Соседей. Знакомых. Тех, кто был с Денисом сегодня в парке. Вспомнят — Сергея. «А, да, был какой-то Серёга, Пешков, недавно вернулся из спецшколы». И — всё. Его — найдут. Если не сбежит. Если останется — найдут. Если уедет — может, найдут, может, нет. Но — шанс. Шанс — это всё, что ему нужно.

Всё переделся. Вещи свои забыл в квартире у Дениса. Казённые кроссовки — серые, стоптанные. Футболку — мятую, с пятном. Всё, что было на нём — из спецшколы, оттуда, из той жизни. Оставил — на полу, у дивана, как змеиная кожа. Вышел — новым. Но — забыл. Забыл свои вещи. И чем сыграл себе злую шутку. Вещи — это улика. Вещи — это след. Вещи — это «Сергей Пешков был здесь». Казённые кроссовки с биркой спецшколы — это как подпись, как отпечаток, как визитная карточка. Глупо. Глупо — но сделано. Он торопился. Торопился — и забыл. Удача — на его стороне, но удача не отменяет глупость. Глупость — это то, что остаётся, когда адреналин уходит. А адреналин — ушёл. И осталась — глупость.

Он вышел. Закрыв дверь — по-хозяйски, аккуратно. Ключи — оставил в замке. Снаружи. Вставил — и не вытащил. Пусть. Пусть Денис найдёт ключи в двери — может, подумает, что сам забыл. Может — нет. Не важно. Важно — уйти. Уйти — быстро.

Пошёл к лифту. На лифте он не стал ехать — лифт шумит, лифт — след. На камере, если есть. Или — на слух. Соседи слышат: лифт едет с седьмого этажа. Кто? Пошёл спускаться пешком — тихо, быстро, прижимаясь к стене. Семь этажей — семь пролётов. Ноги — лёгкие, новые кроссовки — мягкие, бесшумные. Спустился — без встречи. Ни одного соседа. Тишина. Пусто. Удача — на его стороне.

Огляделся — у подъезда. Никого. Жара, полдень, все — кто где. Двор — пустой. Детская площадка — пустая. Машины — стояли, но людей — нет. Он вышел быстро из подъезда — и быстрым шагом пошёл прочь. Не оглядываясь. Не ускоряя — не бег. Быстрый шаг. Как на дело. Как — от дела. Шёл — и чувствовал на себе новые вещи. Футболка — гладкая, чистая. Джинсы — плотные, тёплые. Кроссовки — мягкие, упругие. Он шёл — и был новый. Новый Сергей. С деньгами. С планом. С дорогой.

Глава 10. Дорога на юг

Он дошёл до автовокзала. Автовокзал был маленький — одно здание, бетонное, с кассой, с залом ожидания, с туалетом, который всегда вонял. Перед зданием — площадка, где стояли автобусы. Городские, пригородные, дачные. Автобусы — разные, как люди: городские — жёлтые, помятые, с рваными сиденьями. Пригородные — белые, получше, с занавесками на окнах. Дачные — старые, «ПАЗики», раздолбанные, с дырами в полу. Сергей выбрал — дачный.

Он уже знал дорогу. Знал — потому что бывал здесь, до спецшколы. Знал, что на посту ГАИ, на шестом километре, проверяют. Останавливают, спрашивают, досматривают. Но — не все. Не дачные. Дачный автобус — это святое. Дачники — бабушки, дедушки, с рассадой, с лейками, с ведрами. Кто их остановит? Зачем? Ради помидоров? Дачный автобус — на посту ГАИ не останавливают и не досматривают. Он спокойно едет. Как река — мимо камня.

Сергей залез в автобус. Автобус был набит — бабки, деды, сумки, ведра, лейки. Пахло землёй, рассадой, потом, бензином. Он встал — мест не было, стоял, держался за поручень. Бабки смотрели — на нового, чистого, молодого. Не косо — с любопытством. Молодой, красивый, чистый — зачем в дачный автобус? Может, к матери на дачу? К бабушке? Нормально. Бабки — не спрашивали. Бабки — молчали и смотрели. Сергей молчал и не смотрел.

Заплатил за билет — conductor подошла, пожилая, с сумкой через плечо, с рулоном билетов. Двадцать рублей. Протянул — пятидесят. Она дала сдачу — мелочью, монетами, звенящими. Билет — маленький, бумажный, с цифрами. Сергей спрятал — в карман. К карману, где деньги. Двадцать три тысячи — рядом с билетом за двадцать рублей. Контраст.

Поехал. Автобус тронулся — рывком, дёрганно, с рёвом и дымом. Поехал — мимо города, мимо домов, мимо гаражей. Город — уходил. Уезжал — назад, в окно, в прошлое. До-

ма — мелькали, уменьшались, исчезали. Серые пятиэтажки, красные кирпичные, жёлтые «ПАЗики» на остановках. Всё — мельче, меньше, дальше. И — всё. Город кончился. Началась трасса.

Он ехал в автобусе и прощался. Прощался с городом — уже не так, как в первый раз. Тогда, четыре года назад, его увозили — не спросив. Сейчас — он уезжал сам. Сам — выбрал. Сам — решил. Это — другое. Тогда — жертва. Сейчас — охотник. Тогда — везли. Сейчас — ехал.

Опять прощался с городом. Но уже не так его сердечное это задевало, что он скучает по дому. Нет. Он понимал, что это не его. Что дом — не дом. Что семья — не семья. Что «здравствуйте» — не «сынок». Что «чай будешь?» — не «ешь». Что сундук — не он. Что он — не сундук. Что он — человек. И что человек — не живёт в сундуке. Человек — идёт. Туда, где лучше. Должно быть что-то в жизни у него лучше. Должно — быть. Если нет — он сделает. Если не делает — умрёт. Но — не в сундуке.

Он смотрел в окно. Тайга — зелёная, густая, бесконечная. Берёзы, сосны, кедры, мох, болото. Болота — тёмные, с водой, которая блестела на солнце, как стекло. И небо — синее, глубокое, с облаками, которые плыли — медленно, лениво, как рыбы в аквариуме. Красиво. Сергей видел красоту — но не чувствовал. Красота — для тех, кому хорошо. Ему — нет. Ему — дорога. Дорога — не красивая. Дорога — длинная.

Вот он доехал до двадцатого километра. Конечная. Авто-

бус остановился — у поворота, у таблички «Дачное обществоSuch-and-such». Народ вышел — бабки, деды, с сумками, с лейками. Пошли по тропинке — на дачи, к грядкам, к рассаде, к теплицам. А Сергей пошёл — дальше по трассе. Не по тропинке — по асфальту. Не на дачу — на дорогу.

Достал сигарету из кармана — из нового, чистого, с биркой. Закурил. Затянулся — глубоко, жадно. Дым пошёл — тёплый, горький, родной. Идёт. Идёт — и курит. Идёт — и напевает. Песенки — тихо, себе под нос, без слов, мелодии. Дворовые, тюремные, из детства. Песни — как шаги: одна за другой, ровно, не торопясь. Идти ему было долго — двадцать километров до поста ГАИ, потом ещё — до переправы. Далеко. Но — ноги есть, сигареты есть, деньги есть. Остальное — приложится.

Идёт, напевает, курит. Пытается тормозить машины — руку вверх, большой палец. Машины — пролетают мимо, не останавливаясь. Легковушки — быстро, с ветром, с пылью. Грузовики — медленнее, но тоже — мимо. Проезжающие машины пылят ужасно — пыль густая, серая, как туман, и Сергей отворачивался, закрывал лицо рукой, морщился. Пыль — в глаза, в нос, в рот. Пыль — от свободы. Свобода — пыльная.

Сергей так и шёл вдоль дороги. Оглядывался периодически — чтоб не ехала нигде милицейская машина. Менты — на трассе бывают, патрули. Если остановят — спрос: кто, куда, документы. Документов — нет. Объяснить — что? «Я

Сергей Пешков, иду к матери на работу»? Мать — где? Которая «здравствуйте»? Которая «чай будешь?»? Нет. Если спросят — врать. Врать — уверенно, спокойно. «К матери, на переправу, мать работает в кафе». Врать — и не запинаться. Врать — как дышать.

В оконцовке через несколько километров остановился — опять какой-то дальнобойщик. Грузовик — большой, синий, с прицепом, с тентами. Тормознул — плавно, с шипением пневматики. Кабина — высокая, с лесенкой. Водитель — мужик, средних лет, с бородой, в кепке, с сигаретой. Лицо — усталое, но не злое. Дальнобойщик — народ простой: сами живут на трассе, сами знают, каково это — без денег, без ночлега, без помощи. Своим — помогают.

— Куда? — спросил водитель. Голос — хриплый, прокуренный.

— До переправы, — сказал Сергей. — Мать там работает, недалеко. К матери, на работу.

— До переправы — это с полтора ста километров, — сказал водитель. — Далеко мать работает.

— Дальнобой, — сказал Сергей. — Что поделаешь.

— Запрыгивай в кабину, — сказал водитель.

Сергей запрыгнул — ухватившись за ручку, подтянувшись, ногой на подножку. Кабина была большая, чистая — не то что ПАЗик. Сиденья — мягкие, с подлокотниками. Панель — с приборами, с магнитолой, с часами. Пахло — дизелем, сигаретами, пенкой для бритья. Мужская кабина. Во-

дительская. Свободная.

Поехали. В кабине играла музыка — магнитола, тихо, не навязчиво. Что-то русское, дворовое, про дорогу, про даль, про жизнь. Водитель был не больно разговорчивый — покивал, затаился, молчал. Сергей тоже молчал — смотрел в окно. Дорога бежала — ровная, прямая, с разметкой, с отбойниками, с столбами. Тайга — по бокам, зелёная, густая, бесконечная. Деревья — стояли стеной, как солдаты. Небо — синее, чистое, без единого облака. Жара — настоящая, сибирская, густая. Солнце — било в лобовое стекло, и водитель опустил козырёк — жёлтый, пластиковый.

Ехать — часа полтора до переправы. Сергей смотрел — и усталость пришла. Не сразу — постепенно. Тело — расслабилось, ноги — отпустило, глаза — потяжелели. Новые кроссовки — мягкие, тёплые. Сиденье — удобное, с подголовником. Движение — плавное, убаюкивающее. Он даже сумел прикимарить на сиденье — глаза закрылись, голова — к стеклу, и — сон. Не глубокий — лёгкий, как туман. Полусон, полудрёма. Шум дороги, гул мотора, покачивание кабины — как колыбель. Дорога — укачивала. И он — уснул. Хорошо засыпал в машинах, на трассе — всегда умел. Талант. Спать — где угодно, когда угодно, как угодно. В спецшколе научился — на жёстком, на холодном, в шуме. В кабине — легко.

Вот уже ближе подъезжая к переправе, Сергей проснулся. Открыл глаза — и не сразу понял, где. Кабина. Дорога. Во-

дитель. Ага. Переправа. Водитель повернулся:

— Ну, проснулся? Подъезжаем уже.

Сергей потёр глаза, выпрямился, посмотрел в окно. Впереди — река. Широкая, тёмная, с баржей-паромом, которая медленно ползла с берега на берег. Переправа. На берегу — машины, грузовые, легковые, в очереди. Люди — стояли, курили, ждали. Паром — шёл медленно, по-стариковски, без спешки. Вода — тёмная, тяжёлая, с бликами солнца. Обь — не река, море. Сергей смотрел — и думал: за этой водой — другая сторона. Другой берег. Другая жизнь. Может быть.

Водитель спросил:

— Тебе на эту сторону или на ту?

Сергей подумал. Если на эту — придется переходить пешком, а это — заметно, долго, опасно. Если на ту — водитель довезёт прямо, без вопросов.

— На ту, — сказал Сергей. — Чтобы не переходить пешком.

— Ну, я тоже на ту, — сказал водитель. — Груз доставить надо. Не переживай, довезу.

Паром — подошёл, машины — заехали, грузовик тоже — медленно, тяжело, с рёвом. Вода — под паромом, тёмная, холодная. Сергей смотрел — как берег уходит. Уходит — Сургут. Уходит — дом. Уходит — сундук, «здравствуйте», «чай будешь?». Уходит — всё. Он стоял у борта парома и смотрел, как берег — уменьшается. Вот — дома. Вот — деревья. Вот — краны портовые. Вот — всё меньше, меньше,

меньше. И — всё. Берег исчез. Только вода. Только — другая сторона. Только — начало.

Переехали. Водитель высадил Сергея — на той стороне, у дороги. Сергей поблагодарил:

— Большое спасибо.

— Не за что, — сказал водитель. — Удачи. Маме привет.

— Передам, — сказал Сергей.

И пошёл — в сторону кафе. У дороги — кафе, маленькое, придорожное, с вывеской «КОФЕ ЧАЙ». Зашёл. Заказал — кофе, «три в одном». Кофе — из автомата, в пластиковом стаканчике, горячий, сладкий, с привкусом химии. Но — горячий. Горячее — настоящее. Он пил — и чувствовал: я здесь. На той стороне. На безопасном расстоянии. Здесь — не скоро будут искать. Здесь — не знают Пешкова. Здесь — не знают сундук. Здесь — он — никто. Незнакомый. Новый. Чистый.

Уже у Сергея отлегло на душе. Жжеш... Он уже был на безопасном расстоянии. Здесь не скоро будут его искать в этих краях. Менты — сургутские, не нижевартовские. Сургутские — ищут в Сургуте. Нижневартовск — другой город, другой округ, другой мир. Чтобы искать здесь — нужен запрос, согласование, бумаги. Бумаги — это время. Время — это жизнь. Его жизнь.

Допил кофе. Выбросил стаканчик. Вышел. Солнце — уже низко, к вечеру. Потихоньку, пока ещё не начало темнеть сильно, пошёл по дороге — в сторону Нижневартовска. Шёл

медленно, никуда не торопясь. Периодически пытался затормозить кого-нибудь — руку, палец, взгляд. Машины — мимо. Мимо, мимо, мимо. Пыль, ветер, тишина.

Но — через несколько километров остановилась легковушка. Старая, «Жигули», бежевая, с трещиной на лобовом. Внутри — старый дед с женщиной. Дед — маленький, сухой, в очках, с кепкой. Женщина — бабушка, полненькая, с платком, с добрыми глазами. Пенсионеры. Свои. Дачники, может. Или просто — домой. Бабушки и дедушки — добрые. Молодёжь — пролетает мимо. Бабушки — тормозят.

— Куда? — спросил дед. Голос — тихий, старческий, как скрип.

— В Нижневартовск, — сказал Сергей. — Домой, от матери с работы. Мать работает там, вот — возвращаюсь.

— Нижневартовск? — бабушка обернулась. — Мы тоже в Нижневартовск! Домой. Как раз — довезём!

— Садись, сынок, — сказал дед. «Сынок». Сергей — моргнул. Раз. Не заплакал. Но — моргнул. «Сынок» — слово, которого не было в его доме. «Сынок» — от чужого деда. Чужой дед — сказал «сынок». Родной отец — сказал «здравствуйте». Мир — перевернулся. Или — нет. Мир — на месте. Просто — мир — не там, где он думал.

Сел. Машина — маленькая, тесная, с запахом старости и нафталина. Сиденье — жёсткое, с подлокотником. Бабушка — на переднем, дед — за рулём. Сергей — сзади. Ноги — не помещаются, но — терпимо. Рядом — сумка, с рассадой,

с землёй. Запах — помидоров, укропа, теплицы. Запах — дачи. Запах — чужой жизни. Чужой — но тёплой. Тёплой — как бабушкина кофта.

Дорога была спокойная, хорошая. Трасса — прямая, ровная, с асфальтом. Тайга — по бокам. Деревья — мелькали, проносились, исчезали. Деревья — как дни: один за другим, одинаковые, разные. Солнце — садилось. Небо — розовое, оранжевое, красное. Закат — сибирский, долгий, красивый. Красиво — даже Сергей заметил. Заметил — потому что отлегло. Когда отлегло — видно красоту. Когда давит — не видно. Сейчас — отлегло. И — видно.

Сергей думал уже, чем займётся. Но пока у него были деньги, его не больно беспокоило. Думал — может быть получится кого-нибудь найти из старых знакомых. В Нижневартовске он был до спецшколы — там был Валера Курганский, там была тётя Надя... нет, тётя Надя — в Сургуте. В Нижневартовске — другие. Другие знакомые, другие дворы, другие лица. Может — кто-то остался. Может — кто-то вспомнит. Может — кто-то поможет. А может — нет. И тогда — самому. Как всегда. Один.

Так он ехал молча всю дорогу. Периодически бабушка оборачивалась — и о чём-нибудь спрашивала:

— А мать-то где работает?

— В кафе, — говорил Сергей. — На трассе.

— Ой, тяжело, наверное, на трассе-то. Далеко от дома.

— Далеко, — соглашался Сергей.

— А ты в каком классе?

— Я уже не в классе, — говорил Сергей. Коротко, невнятно.

— Как — не в классе? Летом-то — ну, понятно. А в школу-то пойдёшь?

— Может, пойду, — говорил Сергей. И отворачивался к окну.

Бабушка не лезла. Не допрашивала. Не выпрашивала. Просто — говорила. Говорила — от доброты. От привычки. От того, что старые люди — разговаривают с молодыми, потому что молодым — нужно, даже если они не знают, что им нужно. Бабушка — не лезла в душу. Бабушка — грела. Как чай. Не «чай будешь?» — а чай. Без вопроса. Просто — грела.

Дед молчал. Вёл машину — ровно, спокойно, без рывков. Смотрел — на дорогу, не отвлекаясь. Иногда — побрякивал, поправлял кепку, трогал радио. Радио — шипело, играло что-то старое, проездное. Песня — про дорогу, про поля, про мать, про дом. Про дом — у Сергея нет. Про мать — у Сергея нет. Про поля — тайга. Но песня — красивая. И он слушал — и молчал.

Уже к полуночи они доехали до Нижневартовска. Город — светился. Огни — жёлтые, оранжевые, редкие. Неоновые вывески, фонари, окна. Город — ночью. Город — тёплый, живой, чужой. Свой. Другой. Не Сургут — Нижневартовск. Не «здравствуйте» — «сынок». Не сундук — человек. Мо-

жет быть. Может — нет. Посмотрим.

Дед спросил:

— Куда тебя высадить?

— Ближе к центру, — сказал Сергей. — Улица Мира.

— Ладно, — дед кивнул. Доехал — до центра, до улицы Мира. Остановил — у тротуара, у фонаря. Машина — остановилась, мотор заглох, тишина.

— Спасибо большое, — сказал Сергей. — Спасибо, что довезли.

— Не за что, сынок, — сказала бабушка. — Держись там. И матери звонки звони.

— Позвоню, — сказал Сергей. Соврал. Не позвонит. Кому? Куда? Зачем? Но — сказал. Потому что — так надо. Потому что бабушка — добрая. Потому что ложь — иногда добрее правды.

Вышел. Закрыв дверь — мягко, без стука. Машина — уехала. Красные огни — удалялись, уменьшались, исчезли. И — всё. Он — один. В центре. На улице Мира. В Нижневартовске. Ночь. Темно. Фонари — жёлтые, тусклые. Окна — чужие, тёплые, далёкие. Ветер — прохладный, ночной. Запах — города, бензина, реки, тайги. Запах — новый. Чужой. Свой.

Сергей поблагодарил — уже мысленно, про себя — и пошёл по своим делам. Ноги — в новых кроссовках, мягко, тихо. Карман — деньги, тяжёлые, тёплые. Сердце — ровно. Голова — пустая. Не от глупости — от усталости. Усталость

— та, свинцовая, от которой не убежишь, не спрячешься. Усталость — от города, от дома, от сундука, от «здравствуйте», от цепи, ото всего. Но — отлегло. Чуть. Чуть — отлегло. И этого — хватит. На сегодня — хватит.

Вот снова — здравствуй, Нижневартовск!

Глава 11. Ночной Нижневартовск

Сергей шёл по ночному Нижневартовску. Улица Мира — широкая, прямая, с фонарями через каждые двадцать метров. Фонари — жёлтые, тусклые, некоторые мигали, некоторые не горели совсем. Город — спал. Окна — тёмные, редкие, редкие светящиеся точки там, где кто-то не мог уснуть, или смотрел телевизор, или пил чай на кухне. Чужие окна. Чужой чай. Чужой город.

Он шёл — и наслаждался. Не городом — воспоминаниями. Нижневартовск был ему знаком — он был здесь до спецшколы, и город помнился тёплым, живым, своим. Не Сургут — нет, Сургут никогда не был своим, Сургут был — оттуда. А Нижневартовск — сюда. Сюда — бежал. Сюда — тянуло. Здесь — река. Здесь — вокзал. Здесь — дворы, где он бегал, когда ещё бегал. Здесь — было другое небо. Или то же — но казалось другим.

Ноги — в новых кроссовках, мягко, тихо. Карман — тяжёлый, с деньгами. Двадцать три тысячи — лежали в кармане, тёплые, шуршащие. Он их не считал — но знал, что они есть. Знал — и от этого шёл ровно, спокойно, уверенно. Деньги — это вес. Не в кармане — в ногах. Когда деньги есть

— ноги идут прямо. Когда нет — ноги — ватные. Сейчас — ноги шли прямо.

Возле ночного ларька, у перекрёстка, компания подвыпивших мужиков — трое, в рабочих комбинезонах, с нефтяными разводами на рукавах — заметили Сергея.

— Эй, пацан! — окликнул один, высокий, с красным лицом и мокрыми губами. — Закурить не найдётся?

Сергей остановился. Достал пачку — свою, новую — и протянул. Мужик вытянул сигарету, кивнул:

— Спасибо, герой. Далеко идёшь?

— Так, гуляю, — сказал Сергей.

— Ночью гуляешь — значит, либо деловой, либо бездомный, — мужик хмыкнул, прикурил от чужой зажигалки. — Удачи, пацан.

— Спасибо, — сказал Сергей и пошёл дальше.

В спину полетел смех — не злой, пьяный, добрый. Ничего. Нормально. Чужой мужик сказал «спасибо» и «удачи». Родной отец — «здравствуйте». Мир — перевернут. Или — нет. Мир — на месте. Просто — не там, где он думал.

Он думал об одной мысли — что он опять перешёл грань. И назад дороги уже нету. Да и если задуматься — зачем возвращаться назад? Там ничего хорошего нет. «Здравствуйте» — не «сынок». «Чай будешь?» — не «ешь». Коврик новый, телевизор новый, а он — старый. Сундук. Нет, сундук остался в Сургуте. Здесь — он не сундук. Здесь — он Сергей. Сергей Пешков, четырнадцать лет, с татуировкой на руке, с

деньгами в кармане, с кражей за плечами, с розыском впереди. Живой. Бегущий. Свободный — пока.

Он понимал, что перешёл грань. Грань — это черта, которая делит мир на «до» и «после». До — был мальчишкой, который дрался, который убегал из спецшколы, который грабил терпил в переулке. Это — было. Но это — детское. А теперь — кража со взломом. Квартира. Чужие вещи. Чужие деньги. Это — взрослое. За это — сажают. Не в спецшколу — в колонию. Взрослую. И он понимал, что его уже разыскивают. Что Денис обнаружил пропажу — вчера, сегодня, может, уже звонил в милицию. Что сургутские опера — те самые, на УАЗике — уже знают. Что его имя, его лицо, его татуировка «Мария люби достойна» — уже в ориентировки. Его уже ищут. И рано или поздно — найдут. Это — закономерность. Как зима после осени. Как дождь после тучи. Как тюрьма после кражи. Не «если» — «когда».

Сергей шёл с этими мыслями и думал — хоть немножко времени, сколько ему будет отведено пожить спокойно? Пожить нормально, как нормальный человек. Не как сундук, не как беглец, не как вор — а как человек. Просыпаться — и знать, что тебя ждут. Завтракать — и знать, что для тебя. Идти — и знать, куда. Ложиться — и знать, что завтра будет. Сколько — недель? Месяцев? Года? Он не знал. Но — хотел. Хотел — хотя бы немного. Хотел — выдохнуть. Хотел — пожить.

Но он не знал, с чего начать. В Нижневартовске — нет

своих. Нет тёти Нади, нет дяди Саши. Нет Валеры Курганского — тот в Кургане, у матери. Нет никого. Он — один. В чужом городе, с деньгами, без крыши, без друзей, без плана. Есть — только он, и ночь, и фонари, и асфальт под ногами.

Он прогулялся по центру города. Центр Нижневартовска — не сургутский. Другой. Шире, прямее, новее. Дома — выше, девятиэтажки, шестнадцатиэтажки, панельные, кирпичные. Магазины — с витринами, с вывесками, с светом. Кафе — с открытыми окнами, с музыкой, с запахом еды. Люди — шли, сидели, разговаривали. Молодёжь — компаниями, с пивом, с сигаретами, с смехом. Девчонки — в коротких юбках, с голыми плечами, с блёстками на скулах. Парни — в джинсах, с гитарами, с гонором. Жизнь — шла. Нормальная, летняя, молодая. Жизнь — без заборов.

Сергей смотрел — и чувствовал: это не его. Не его компания, не его город, не его жизнь. Он — наблюдатель. Стоит за стеклом и смотрит. Стекло — невидимое, но — есть. Между ним и миром — стекло. Он его поставил — сам, давно, в спецшколе. Стекло, которое защищает — и отторгает. За ним — безопасно. Но — одиноко.

И какая-то есть закономерность: когда денег нет, охота есть. Всегда голодный. Как деньги есть, так и... неохота. Сергей проходил мимо ларьков — пахло шаурмой, пирожками, хот-догами, и раньше, когда денег не было, от этих запахов сводило живот, и слюна шла, и всё тело — к еде. А сейчас — деньги в кармане, и вроде бы и нечего хотя. И деньги что ли

может жалко тратить. Сигареты есть, зажигалка есть. Всё — есть. Но — не ест. Не потому что не голоден — а потому что тратить — жалко. Деньги — не бесконечны. Двадцать три тысячи — это много, но не вечность. Каждый день — еда, сигареты, транспорт. Каждый день — минус. Рано или поздно — ноль. И тогда — снова — терпилы, снова — грабёж, снова — риск. Он не хотел. Он хотел — растянуть. Растянуть — чтобы хватило. Чтобы — подольше.

На улице повезло — погода была хорошая, тёплая. Летняя. Летние ночи на севере всегда были тёплые — из-за климата. Не жарко — но и не холодно. Воздух — мягкий, с запахом реки, тайги, нагретого асфальта. Обь — где-то рядом, за деревьями, за домами. Ветер — с реки, прохладный, лёгкий. Он шёл — и ветер трепал волосы, и от ветра было хорошо. Ветер — единственное, что касалось его безразлично. Не тепло, не холодно — просто касался. И от этого — было нормально.

Гуляла молодёжь ещё — времени не было так поздно. Часов одиннадцать, может чуть больше. Парни, девчонки — ходили, смеялись, кричали друг другу через улицу. Кто-то пил пиво на лавочке, кто-то курил, кто-то целовался у подъезда. Обычная летняя ночь. Обычная жизнь. Сергей шёл мимо — и они не замечали. Для них он был — парень в новых кроссовках, в новой куртке, идёт куда-то. Нормальный. Свой. Может — с района, может — с соседнего двора. Ничего особенного. Невидимый — но по-другому. Здесь невиди-

мость — не от отторжения. Здесь — от массовости. Один из многих. Песчинка на пляже. И от этой массовости — было хорошо. Не сундук. Не объект. Песчинка. Песчинка — это лучше, чем сундук. Песчинка — свободна.

Но у него не было конкретных друзей, кому он мог податься в Нижневартовске. Нет. Податься ему было некуда. Он просто ходил, стаптывал ноги. Новые кроссовки — мягкие, но ноги — гудели. Он прошёл — от центра до набережной, от набережной — до автовокзала, от автовокзала — обратно. Круги. Сургутские круги — только в другом городе. Круги — они везде одни. Идёшь — и возвращаешься. Идёшь — и возвращаешься. Куда ни иди — возвращаешься в точку, где начал. Круг — это не дорога. Круг — это клетка без стен.

В раздумьях, что рано или поздно его поймут и посадят. И уже это будут взрослые колонии — более взрослые, чем спецшкола. Не пацанятня — серьёзные мужики, серьёзные сроки, серьёзные законы. Там — не побегаешь с крыши. Там — не посмеёшься над воспитателем. Там — зоны, отряды, баланда, этапы, тайга за забором и вышки с прожекторами. Он это знал — знал от дяди Саши, от Самохи, от тех, кто сидел. Знал — и не боялся. Не потому что смелый — нет. Потому что — привык. Страх — это когда не знаешь, что будет. А он — знал. Знал, что будет. Колония. Срок. Забор. И от того, что знал — не боялся. Просто думал: надо то короткое время жить нормально. Жить спокойно, без переживаний. Без оглядки. Без «а вдруг». Просто — жить. Пока — можно.

Подошёл к ларьку. Ночной ларёк — стоял на углу, у перекрёстка, с окном-выдачей и светящейся вывеской «ПРОДУКТЫ 24». Внутри — заспанная продавщица, молодая, с тощим хвостом и журналом. Она сидела на табуретке, листала страницы, зевала. Когда Сергей подошёл — она подняла глаза. Равнодушно. Как к каждому, кто подходит ночью.

— Мне несколько Сникерсов, — сказал Сергей. — Три. И лимонад. И один рулет, какой есть.

Продавщица кивнула. Достала — не торопясь, с привычной медлительностью человека, для которого ночь — это работа. Сникерсы — три, в обёртках. Лимонад — бутылка, пластиковая, холодная. Рулет — в пакете, бисквитный, с повидлом.

— Ещё чё-нибудь? — спросила она. Без интереса. Автоматически.

— Нет, — сказал Сергей. — Всё.

— Сдача, — она протянула монеты. Подержала — секунду, посмотрела на Сергея. — Ты чё, один гуляешь?

— Один, — сказал Сергей.

— Ночью — опасно, — сказала она. Не потому что заботилась — потому что говорила. Как говорила бы «спасибо» или «до свидания». Автоматически. Но — сказала.

— Я знаю, — сказал Сергей. И ушёл.

Она назвала сумму. Сергей достал деньги — из кармана, из толстого кармана. Достал — не показывая, сколько там. Отделил — одну купюру, протянул. Продавщица взяла, да-

ла сдачу. Сдачу — мелочью, монетами, звенящими. Сергей ссыпал в карман — не считая. Не потому что доверял — потому что не хотел стоять. Стоять у ларька ночью — значит светиться. Свет — от ларька, от вывески, от окна. Свет — это видно. Видно — это опасно. Бери — и уходи.

Расплатился с продавщицей и пошёл в сторону любого подъезда. Любого — потому что все одинаковы. Не дом — место. Не квартира — лестница. Не жильё — крыша. Крыша — это всё, что ему нужно. Крыша и стены. Стены — чтобы ветер не дул. Крыша — чтобы дождь не мокрил. И бетон — чтобы спать. Бетон — не кровать, но — лучше, чем асфальт.

В Нижневартовске было хорошо, что там было много шестнадцатиэтажек. Высотные, панельные, серые, с рядами окон — как соты. Они были удобны тем, что пожарные лестницы находились отдельно от квартир — снаружи или в отдельном колодце, с отдельным входом. Жильцы квартир в основном спускались на лифтах и на пожарную лестницу почти не ходили. Зачем? Лифт — быстро, удобно, тепло. Пожарная лестница — холодная, тёмная, бетонная. Только — в случае пожара. А пожара — нет. Значит — пусто. Значит — можно.

Он зашёл в подъезд — первый попавшийся. Подъезд — обычный, с лифтом, с почтовыми ящиками, с запахом хлорки и старости. На первом этаже — как обычно, прозапас — взял газет из почтовых ящиков. Мятых, старых, с заголовками про кризис, про выборы, про то, что в стране всё плохо.

Газеты — для подстилки. Газета — универсальный материал: читай, стели, укрывайся, жги. Всё — в одном. Газета — это бумага. Бумага — это цивилизация. На асфальте — ди-карь. На газете — человек.

Он поднялся на пожарную лестницу — пешком, тихо, прислушиваясь. Выбрал этаж — посередине дома. Восьмой, может девятый. Посередине — потому что не так дует снизу, из подвала, и не так дует сверху, из лифтовой шахты. Соответственно — более-менее тепло. Не тепло — но менее холодно. На первом этаже — сквозняк от входной двери. На последнем — сквозняк от крыши, от шахты, от всех щелей. А посередине — ровно. Посередине — компромисс. Компромисс — это когда не хорошо, но терпимо. Вся жизнь Сергея — была компромиссом. Не хорошо — но терпимо.

Он сел, расстелил газеты — на холодном бетоне, в углу площадки, где перила сходятся, где не дует. Постелил — в два слоя, чтобы мягче. Сел. Поправил. Потом — опрокинулся. Лёг — на бок, свернувшись, подтянув колени к груди. Бетон — сразу забрал тепло. Как пиявка. Как вампир. Бетон — живой, в каком-то смысле. Он — ест. Ест — тепло, ест — силы, ест — жизнь. Но у Сергея — нечего было есть. Он — и так — пустой.

Закурил сигарету. Лёг, курит, глаза закрыты. Дым — тёплый, горький. Тянется — медленно, выдыхая. Думал о своей жизни. Чё будет. Как будет всё дальше. Где — будет. Когда — будет. Будет — или нет. Вопросы — без ответов. Отве-

ты — где-то впереди, за поворотом, за углом, за следующим днём. Но повернуть — нельзя. Идёшь — и идёшь. Дорога — не спрашивает. Дорога — ведёт.

У него был один план, набросанный, который ему более-менее позволит погулять на свободе побольше. И он был самый оптимальный и менее рискованный. В данном плане было — податься в какой-нибудь монастырь. Он много слышал — в спецшколе, от пацанов, от воспитателей — что бомжи, беспризорники подавались в монастыри. Работниками. При монастырях — живут, работают, кормят. Там — стены, крыша, еда. И главное — туда не ходит милиция. Милиция — светская. Монастырь — духовная территория. Туда — не лезут. Там — можно попрятаться какое-то время. Пересидеть. Перепрятаться. Пока — не уляжется. Пока — не забудут. Пока — не отстанут.

У Сергея было это в плане. Но — пока. Пока есть деньги — не надо идти в монастырь. Пока есть деньги — можно жить. Жить — в городе, на улице, на лестницах. Жить — плохо, холодно, голодно, но — свободно. Монастырь — это когда денег нет. Когда — прижмёт. Когда — некуда. Пока — не прижало. Пока — есть. Пока — можно.

Денег пока хватало, так что данный план был пока черновиком. Пока есть деньги, соответственно не надо идти — красть больно можно. Главное — единственное: не попадаться на глаза сотрудникам полиции. Не давать им повода. Не светиться. Не отсвечивать. Идёшь — иди ровно. Стоишь —

стой спокойно. Не бегай, не дёргайся, не озирайся. Будь — как все. Будь — песчинкой. Песчинку — не замечают.

Сергей подумал — может быть найдёт Витюка. Витюк — знакомый, был до спецшколы. Где-то в Нижневартовске, может — на вокзале, может — в районе. Но он думал — завтра. Завтра — прогуляется, вечером, в сторону вокзала. Сегодня — поздно. Вокзал — ночью — менты, патрули. Нечего там делать ночью. Днём — лучше. Днём — народ, суета, можно затеряться.

Как-нибудь ему надо было найти Витюка. Витюк — может, знает кого. Может, есть где ночевать. Может, есть работа. Может — ничего. Может — Витюка самого нет. Уехал, сел, пропал. Всякое — бывает. Но — попытаться надо. Попытка — не пытка. А без попытки — точно ничего.

Он по крайней мере понимал: его пока будут искать наверное в родном городе. Сургут — первая точка. Там — опера, там — знакомые, там — ориентировки. Потом — будут искать уже дальше. По округу, по области, по городам. Нижневартовск — следующий, может. Или — нет. Нижневартовск — далеко от Сургута. Километров двести, может больше. Через переправу, через реку. Не близко. Но — менты — настойчивые. Рано или поздно — доберутся. Но — не сегодня. И не завтра. Может — через неделю. Может — через месяц. У него — есть время. Немного — но есть.

С этими мыслями он погрузился — уснул. Не уснул — провалился. Как в яму. Бетон — снизу, холодный. Воздух —

сверху, прохладный. Тело — свернулось, как у животного. Маленькое, сжатое, тёплое — изнутри. Глаза — закрылись. Мысли — замедлились, как часы, у которых садится батарейка. Тик. Тик. Тик. Тишина.

Глава 12. Бетон и кости

Проспал — наверное часов до восьми. Не знал точно — часов не было. Но свет — утренний, белый, прямой — бил в глаза через окно пожарной лестницы. Утро. Восемь, может — чуть больше.

Проснулся — и первое, что почувствовал: боль. Не острая — тупая, ноющая, глубокая. Кости. Все. От затылка до пяток. Позвоночник — не гнулся. Шея — не поворачивалась. Плечи — каменные. Бёдра — деревянные. Колени — ржавые. Всё болит. Он замёрз. Бетон — даёт о себе знать. Бетон всегда делает свою работу. Даже если на улице лето — бетон это хуже любой морозильной камеры. Он не холодный — он высасывающий. Вытягивает из человека всю жизнь. Тепло, силу, гибкость — всё. Оставляет — кости и кожу. Бетон — не враг. Бетон — стихия. Как ветер, как дождь. Бетон — просто есть. И он — делает то, что делает. Без злобы, без цели. Просто — закон физики: тёплое тело на холодном камне — остывает. Точка.

Сергей тогда ещё не понимал, в молодые годы. Не понимал — что бетон делает с телом. Не понимал — что каждая ночь на бетоне — это минус. Минус — здоровья, минус — роста, минус — лет. Тело — не железо. Тело — гниёт, если

его не холить. И бетон — ускоряет гниение. Об этом он поймёт чуть позже. Чуть позже — что с ним сделал бетон. Когда спина заболит — насовсем. Когда суставы — застучат, как старые двери. Когда ноги — перестанут гнуться. Тогда — поймёт. А пока — четырнадцать лет, и тело — терпит. Тело — молодое, прощает. Пока — прощает. Но — запоминает. Тело — не забывает ничего. Всё — записывает. Каждую ночь, каждый бетон, каждый холод. И позже — выставит счёт. С процентами.

Сергей выпрямился, разогнулся — медленно, с хрустом, с болью. Позвоночник — щёлкнул, как хлыст. Ноги — затекли, колени — не гнулись. Он стоял — и разминался, как старик. В четырнадцать лет — разминался, как старик. Руки — вверх, потянулся, хруст. Шея — влево, вправо, хруст. Спина — прогнулась, хруст. Всё — хруст. Тело — старое. Кости — молодые, но — старые. Бетон — постарел.

Попил лимонада — из бутылки, тёплого, сладкого, газированного. Лимонад — «Дюшес», жёлтый, с запахом груши. Пузырьки — шли по горлу, щекотали, и от этого — немного отлегло. Жидкость — в пустой желудок, как масло — в ржавый замок. Слегка — смазала. Слегка — смягчила. Но — не насытила. Сникерс — потом. Сейчас — лимонад и сигарета.

Закурил. Затянулся — глубоко, медленно. Дым — в лёгкие, тёплый, утренний. Выдох — долгий, серый, сизый. Сигарета — утром — это ритуал. Как умывание. Сигарета — говорит телу: встал. Живём. Работаем.

На пожарной лестнице — всё тихо. Никто не ходит. Периодически — где-то хлопают двери, слышен звон лифта, шаги — и тишина. Люди — живут. Ходят на работу, уходят, возвращаются. Жизнь — идёт — там, за стенами. А здесь, на лестнице — остановка. Застой. Место — вне жизни. Место — между этажами, между квартирами, между людьми. Не здесь — и не там. Между. Как он сам — между.

Тут — где-то чуть пониже — открылась дверь. Хлопнуло. И — голоса. Двое парней. Говорят — негромко, но — слышно. Эхо — по бетонной шахте, по лестнице, по перилам. Голоса — молодые, но — хриплые, с надрывом. Не утренние голоса. Не здоровые.

— Полтора кладёшь? — спросил один. Тихо, деловито.

— Полтора. Не больше. Вчера Мишка перебрал — чуть не сдох. Два положил, и всё — белый стал, как бумага.

— Ладно. Полтора. Давай воду.

Сергей прислушался. Думает — может с ними познакомиться. Двое парней — на этаж ниже. Может — свои, может — пацаны с района. Может — познакомиться, поболтать, узнать — что, где, как. Потихоньку спустился — тихо, придерживаясь за перила, чтобы не скрипеть. Спустился — чуть поближе. Присел — на площадке выше, у стены, в тени. Закурил сигарету и потихоньку подглядывал — через перила, сверху вниз.

Оказалось — это были молодые парни. Подростки, может — лет по восемнадцать-девятнадцать. Один — худой, блед-

ный, в чёрной футболке, с короткой стрижкой и тёмными кругами под глазами. Второй — покрупнее, с щетиной, в мятой рубашке, с трясущимися руками. Наркоманы. Сергей — понял сразу. Не по внешности — по поведению. По тому, как двигались — рвано, судорожно, как роботы с батарейками на исходе. По тому, как смотрели — не на мир, а сквозь мир. Глаза — стеклянные, пустые, как витрины закрытого магазина. В них — не было человека. В них — была тяга. Тяга — сильнее человека. Тяга — это хозяин. А человек — слуга.

Один достал ложку. Обычную столовую ложку — алюминиевую, мятую, с чёрными пятнами от нагара. Второй — наливал из бутылки воду. Бутылка — пластиковая, пол-литровая, из-под минералки. Вода — прозрачная, чистая. В ложку — капнул, аккуратно. Первый — держал ложку за ручку, над зажигалкой. Огонь — синий, маленький, дрожащий. Вода — в ложке, закипела, забулькала. Второй — достал что-то из кармана. Маленькое, в фольге, тёмное. Развернул — порошок, коричневый, мелкий. Насыпал — в ложку, щепотку. Размешал — спичкой, медленно. Порошок — растворился, вода — стала коричневой, густой, как заварка. Запах — пошёл. Химический, резкий, кислый, как уксус с пластмассой. Запах — не природный. Запах — из ада.

— Готово? — спросил первый.

— Давай. Жми.

Сергей смотрел. Не с отвращением — с любопытством. Он не понимал — толком — че это такое. Слышал — про

наркотики, про иглу, про кайф. Но — не видел. Не видел — процесс. А процесс — был. Вот — ложка, вот — огонь, вот — порошок, вот — вода. Просто. Бытово. Как готовка. Как заваривание чая. Только — чай — для жизни, а это — для смерти. Медленной, постепенной, но — для смерти.

Второй парень — выбирал шприцем содержимое из ложки. Шприц — медицинский, инсулиновый, с тонкой иглой. На иголке — намотана ватка, мокрая, коричневая. Ватка — фильтр. Чтобы — не попали крупинки, мусор, нерастворённое. Шприц — набирал, медленно, тянул поршень. Жидкость — коричневая, мутная, тягучая — поднималась по цилиндру. Два кубика, может три. Мало. Но — достаточно. Достаточно — для чего? Для кайфа. Для забвения. Для — побега. Наркотик — это побег. Не из тюрьмы — из себя. Из жизни. Из боли. Из «зачем».

Они разделили данную жидкость — по двум шприцам. По одному — каждому. Оба перетянули себе руку — кто ремнём, кто проводом от наушников. Ремень — на бицепс, затащили — до синевы. Вена — вздулась, синяя, толстая, как червяк. Игла — вошла. Поршень — вниз. Жидкость — ушла. Внутрь. В кровь. В мозг. В — никуда.

— Пошло, — выдохнул первый.

Они затихли. Оба — одновременно, как по команде. Сели — на пол, у стены, откинули головы, закрыли глаза. Лица — расслабились, обмякли, как тесто. Рты — приоткрылись. Глаза — под веками — перестали двигаться. Тела — засты-

ли. Не мёртвые — но и не живые. Между. Как Сергей. Только — между по-другому. Сергей — между жизнью и смертью. Они — между кайфом и ломкой. Но — тоже — между.

Сергей не стал к ним спускаться. Не стал с ними знакомиться. Было ему это — неинтересно. Ему был интересен сам процесс — увидеть чё это такое. Как — делается. Как — работает. Как — человек — уходит. Вот — ушёл. Вот — сидит, тело — живое, человек — нет. Наркотик — это выключатель. Щёлк — и нет. Не больно, не страшно, не долго. Просто — нет. И от этого «нет» — Сергей почувствовал холод. Не от бетона — от понимания. Понимания, что это — рядом. Что это — легко. Что это — доступно. Что — один шаг. Один укол. И — нет. И — не надо. Не надо — «зачем». Не надо — «для чего». Не надо — ничего. Просто — нет. Холодно. Он — затянулся сигаретой — глубоко, до кашля. Выдохнул. Встал. Пошёл.

Сергей поднялся — чуть повыше, на несколько этажей. Зашёл в тамбур — к дверям, где можно было вызвать лифт. Вышел с пожарной лестницы — в основной подъезд. Нажал кнопку. Лифт — пришёл, гулко, с лязгом. Двери — открылись. Он вошёл. Поехал — вниз. На первом этаже — вышел. Огляделся — никого. Выйти — быстро, спокойно. Как свой. Как живущий здесь. Как — никто.

Вышел. Утро — яркое, солнечное, тёплое. Солнце — высокое, сибирское, жёлтое. Воздух — свежий, с запахом реки, хвои, асфальта. Люди — шли на работу, мимо, быстро,

с сумками. Не смотрели. Не замечали. Песчинка. Он — песчинка. Хорошо.

Поехал прогуливаться по родному Нижневартовску. Родному — не родному. Знакомому — незнакомому. Он был здесь — но давно. Четыре года. Город — изменился, может. Или — нет. Он — изменился. Город — тот же. Разница — в нём. Не в городе.

Решил, что к вечеру пойдёт в сторону вокзала. ЖД-вокзала. Посмотрит обстановку, чём там творится. Днём там делать нечего — только примелькаться милиции можно было. Вокзал — это менты, патрули, проверки. Днём — они на посту, дежурят, смотрят, спрашивают. Ночально — тоже, но — меньше. А к вечеру — смены, пересменки, суета — можно затеряться. Вечером — лучше. Вечером — народ, пассажиры, проводники, грузчики. Толпа. В толпе — невидимый. В толпе — песчинка.

А пока — день. Долгий, летний, жаркий. День — убить. Убить — не в смысле — кого-то. В смысле — время. Убить время — это заполнить пустоту. Пустота — страшнее всего. Пустота — это когда нечего делать, некуда идти, некому сказать. Пустота — это когда ты — есть, а мира — нет. Когда ты — стоишь, а вокруг — ничего. Пустота — это ад. Ад — не огонь, не черти. Ад — это когда некуда. Когда — пусто.

Он сходил на набережную. Набережная — была. Обь — широкая, тёмная, спокойная. Вода — текла медленно, как масло. Солнце — отражалось, дробилось, мигало. Чайки —

кричали, летали, ныряли. Ветер — с воды, прохладный, свежий. Люди — на набережной, немного. Бабушки — на лавочках, с газетами. Мамочки — с колясками. Пацаны — на велосипедах. Жизнь — тихая, медленная, нормальная.

Сергей сел на лавочку — смотрел на воду. Рядом — бабушка, с газетой, в очках, с платком. Читала — медленно, шевеля губами. Подняла глаза — на Сергея.

— Милый, ты не подскажешь, который час? — спросила она.

— У меня часов нет, извините, — сказал Сергей.

— Ох, и у меня нет. Забыла дома. Ну да ладно. Солнце высоко — значит, полдень скоро.

— Наверное, — сказал Сергей.

— Ты не местный? — бабушка прищурилась.

— Местный. Давно не был.

— А-а. Ну, возвращаться — это хорошо. Значит, кому-то нужен.

Сергей не ответил. Бабушка — сказала. Не знала — кому сказала. Но — сказала. «Кому-то нужен». Может — и правду. Может — нет. Но — тепло. Чужая бабушка — дала тепло. Как тот дед в «Жигулях» — «сынок». Чужие — давали тепло. Свои — «здравствуйте».

Вода текла. Текла — и не думала. Не думала — ни о чём. Вода — не знает «зачем». Вода — просто — течёт. И от этого — хорошо. От того, что кто-то — не знает «зачем» и — живёт. Просто — течёт. Просто — есть. Просто — вода.

Сходил прогулялся до автовокзала. Автовокзал — тот же. Маленький, бетонный, с кассой, с залом, с запахом бензина и дешёвого мыла. Автобусы — стояли, жёлтые, белые, грязные. Люди — ходили, с сумками, с чемоданами. Уезжали, приезжали. Уезжали — домой. Приезжали — в гости. Все — куда-то. Все — к кому-то. Он — никуда. Он — ни к кому.

Ноги гудели уже. Стачивал свои ноги — до мозолей. Новые кроссовки — жёсткие, не разношенные, не мягкие ещё. Ноги — натёр, мозоли — на пятках, на пальцах. А ещё — нигде не снимешь ботинки, негде не дашь ногам подышать, помыть ноги негде было. Это была самая страшная катастрофа. Не голод — голод терпимо. Не холод — холод привычен. Не одиночество — одиночество — привычно. Не мыть ноги — вот это — катастрофа. Человек — может не есть. Человек — может не спать. Но — не мыть ноги — невозможно. Ноги — гниют. Ноги — устают. Ноги — носят. Если ноги — откажут — ты — не встанешь. Не встанешь — не пойдёшь. Не пойдёшь — не убежишь. Не убежишь — поймают. Ноги — это жизнь. Ноги — это свобода. А ноги — в мозолях, в поту, в грязи. И — некуда их деть. Это — катастрофа. Тихая, незаметная, но — катастрофа.

Так Сергей прошатался целый день. Утром — на набережной. Днём — по улицам, по дворам, по городу. К обеду — в кафе дешёвом, выпил кофе «три в одном». К вечеру — ноги — деревянные, голова — пустая, тело — тяжёлое. День — убит. Убит — впустую. Время — потрачено. Результат

— ноль. Но — день прошёл. И это — уже что-то. Когда — нечего делать, прошедший день — это достижение. Прожил — ещё один. Не умер — ещё один. Ну и — хорошо.

И пошёл в сторону вокзала.

Глава 13. Вокзал

ЖД-вокзал в Нижневартовске — здание невысокое, длинное, из серого бетона, с часами на фасаде и вывеской «НИЖНЕВАРТОВСК-1». Перед вокзалом — площадь, с автобусами, с машинами, с людьми. Внутри — зал ожидания, кассы, буфет, туалет. Вокзал — это ворота. Отсюда — уезжают. Сюда — приезжают. Для одних — начало. Для других — конец. Для Сергея — ни то, ни другое. Для Сергея — место, где можно посидеть, посмотреть, послушать. Место — где люди. А где люди — там жизнь. А где жизнь — там — не пусто.

Он зашёл. Зал ожидания — большой, с рядами деревянных скамеек, с часами на стене, с табло, на котором мигали номера поездов. Люди — сидели, лежали, стояли. Кто-то ждал поезд, кто-то спал, кто-то читал, кто-то ел. Баулы, чемоданы, сумки, узлы. Запах — вокзальный: пиво, дым, дешёвый одеколон, моча, хлеб. Вокзальный запах — не приятный и не отвратительный. Он — свой. Знакомый. Как запах бани — для того, кто мылся. Как запах казармы — для того, кто служил. Вокзал — пахнет вокзалом. И всё.

Сергей сел на скамейку — в углу, у стены, где не так видно. Осмотрелся. Искал — знакомые лица. Мальчишек, пацанов, с которыми бегал раньше, до спецшколы. Может — кто

здесь. Может — кто на вокзале тусуется, как раньше. Вокзал — место сбора. Вокзал — где пацаны, которые без дома, без дела, без цели. Здесь — можно встретить. Здесь — можно найти.

Но — никого. Не нашёл. Ни одного знакомого лица. Чужие люди, чужие глаза, чужие пути. Все — куда-то. Все — зачем-то. Он — никуда, незачем.

Через две скамейки сидел мужик — пожилой, лет пятидесяти, в ватнике, с бородой, с сумкой, которую держал на коленях, прижав локтями. Не бомж — но близко. Одежда — мятая, небритый, с красным лицом пьющего человека. Он курил — прямо в зале, хотя нельзя. Охранник — не подходил. Может — знал. Может — махнул рукой. Мужик курил и смотрел — в пол, перед собой, не мигая.

Сергей подошёл. Не сразу — постоял, посмотрел. Потом — сел рядом. Не потому что хотел — а потому что скамеек было мало, и эта — свободная.

Мужик повернул голову — медленно, с хрустом в шее. Посмотрел — равнодушно. Затянулся.

— Закурить есть? — спросил Сергей.

Мужик — молча — достал пачку. «Ява», мятая, полупустая. Протянул. Сергей взял. Прикурил — от мужиковой зажигалки.

— Спасибо.

— Ага.

Помолчали. Дымили. Мужик — в пол. Сергей — в табло.

— Ты здешний? — спросил мужик.

— Был, — сказал Сергей. — Давно не был.

— Я — дядь Коля. Местный. Вокзальный, — мужик усмехнулся. — Давно — как и я. Вокзал — это конечная, парень. Ты молодой — уйди. Не оставайся. Тут — застрянешь.

— Да я не планирую, — сказал Сергей.

— Никто не планирует. Все — случайно. Я тоже — случайно. Пришёл попить чай — остался. Год уже. Или два. Или три. Я уж не помню.

— А раньше?

— Раньше — работал. Слесарем. На нефтянке. Жена была, квартира. Потом — жена ушла. Потом — квартира пропала. Потом — работа. Потом — всё. Осталось — вот, — он обвёл рукой зал. — Это.

Сергей слушал — и молчал. Дядь Коля — говорил. Не потому что хотел — а потому что давно не говорил. Слова — копились, как вода в бочке, и бочка — переполнилась. И — потекло.

— Ты молодой, — повторил дядь Коля. — У тебя — ноги. Уходи. Вокзал — это вампир. Высосет — и выплюнет. Как бетон, — он постучал по полу. — Бетон — всегда сосёт. Запомни.

— Запомню, — сказал Сергей.

— Вот. Молодец. Запоминай. Это — единственное, что я могу — советовать. Больше я ничего не умею.

Он не любил в одиночестве пить. Не пиво, не водку —

ничего. Пить одному — это — признание. Признание, что — некому. Что — не с кем. Что — один. А один — пить — это дно. Он — не на дне. Он — на пути. Пить — с кем-то. Один — не пить. Это — правило. Его правило.

Так что он просто шарахался. Ходил по залу, выходил на перрон, возвращался. Брал периодически в кафе на вокзале кофе «три в одном». Кафе — маленькое, у стены зала, с прилавком и тремя столиками. За прилавком — толстая женщина, в фартуке, с одышкой, с руками, пахнущими мылом.

— Кофе, — сказал Сергей.

— Три в одном? — спросила женщина, не поднимая глаз.

— Да.

— Пятнадцать рублей.

Сергей заплатил. Женщина налила — из автомата, в пластиковый стаканчик, горячий, сладкий, с привкусом химии. Протянула.

— Осторожно, горячий, — сказала она. И посмотрела. Первый раз — посмотрела. Оценила — лицо, руки, татуировку. Не осудила. Не испугалась. Просто — увидела. — Ты поедешь куда-нибудь или так?

— Так, — сказал Сергей.

— «Так» — это не план, — женщина качнула головой. — «Так» — это значит «никуда».

— Может, и так, — сказал Сергей. И ушёл со стаканчиком.

Кофе — обжигал ладони. Горячее — настоящее. Горячее

— жизнь. Онпил — медленно, сидя на скамейке, смотрел на людей. Стаканчик — тёплый, живой. Единственное живое в его руках. Руки — не знали, что держать. Держали — кофе.

По громкоговорителю объявили: «Внимание, внимание! До отправления поезда номер...» — голос — женский, металлический, безразличный. Пассажиры — засуетились. Бабка — с баулом, тяжёлым, в цветочную ткань. Мужик — с чемоданом на колёсиках, который не катился. Девочка — лет десяти, с матерью, с рюкзаком больше себя. Все — бежали — к поезду. К выходу. К — куда-то. Сергей — сидел. И смотрел. Как они — бежали. Бежали — к кому-то. К — зачем-то. У каждого — было «куда». У него — нет.

Но ему было — скучно. Скука — не от безделья. Скука — от одиночества. Скука — это когда не с кем словом переминуться. Когда — вокруг люди, а ты — один. Когда — вокруг голоса, а тебе — некому сказать. Когда — вокруг смех, а тебе — не смешно. Скука — это тоска. Тоска — по человеку. По — кому угодно. По — тому, кто скажет: «О, Серый! Ты чё тут?». По тому, кто сядет рядом, хлопнет по плечу, протянет сигарету. По тому, кто — знает. Кто — свой.

Ему надо было с кем-то поговорить. Не о чём-то важном — нет. О чём угодно. О погоде. О футболе. О девчонках. О чём угодно — лишь бы голос. Лишь бы — свой голос — чужому. Чужой голос — своему. Обмен. Обмен — это жизнь. Когда ты говоришь — и тебя слышат. Когда ты молчишь — и тебя понимают. Это — нужно. Это — как вода, как воздух.

Без этого — сохнешь. Сохнешь — и становишься — сундуком. Сундук — не говорит. Сундук — стоит. Молчит. Занимает место.

Дядь Коля — ушёл. Просто — встал и ушёл. Не попрощался. Не сказал «до свидания». Просто — встал, взял сумку, и пошёл. Куда — неизвестно. Может — в туалет. Может — на улицу. Может — на другую скамейку. Вокзал — для дядь Коли — дом. А дома — не прощаются. Просто — уходят в другую комнату.

Шарохался — не знал чем заняться. Кофе, сигарета, скамейка, перрон, зал, туалет, скамейка. Круг. Опять — круг. Вокзальный круг. Городской круг. Жизненный круг. Круг — без выхода. Или — выход есть, но — где?

Вокзал — затихал. Последние поезда ушли. Народ — поредел. Остались — такие же, как он. Беспризорники, бомжи, одинокие. Те, кому некуда. Те, кто — здесь, потому что здесь — крыша, свет, тепло. Те, кто — вокзальные. Он — вокзальный. Теперь — вокзальный.

Сергей сидел на скамейке, пил последний кофе — остывший, горький, с осадком на дне. Смотрел — на табло. Цифры — мигали, менялись, гасли. Поезда — уходили. Города — мелькали. Пункты — назначения. У всех — есть. У него — нет. Его пункт — не на табло. Его пункт — не в кассе. Его пункт — не в поезде. Его пункт — впереди. Где-то. Когда-то. Может — скоро. Может — никогда.

Он сидел — и думал: завтра — надо найти Витюка. Надо

— найти. Надо — спросить. Может — Витюк знает, может — Витюк поможет. Может — Витюк — это связь. Связь — с миром, с людьми, с жизнью. Без связи — ты — один. Один — это — сундук. Сундук — стоит. А человек — ищет.

Завтра. Всё — завтра. Сегодня — устал. Ноги — гудят. Голова — пустая. Тело — тяжёлое. Пора — спать. Опять — на бетон. Опять — на лестницу. Опять — холод. Но — не сегодня. Сегодня — можно посидеть. На вокзале. На скамейке. В тепле. В свете. Среди людей. Пусть — чужих. Пусть — не своих. Но — людей. Людей — вокруг — лучше, чем пустоты. Даже если — они не знают, что ты — есть.

Сергей допил кофе, выкинул стаканчик в урну. Откинулся на спинку скамейки. Закрыв глаза. Вокзал — гудел. Тихо, ровно, монотонно. Гул — как колыбель. Колыбель — вокзальная. Уснул. На скамейке. В углу. В тепле. Не на бетоне — на дереве. Дерево — мягче. Дерево — теплее. Дерево — добрее. Бетон — высасывает. Дерево — держит. Дерево — просто — держит.

Завтра — Витюк. Завтра — поиск. Завтра — может быть.

Глава 14. Надя-бабочка

Сергей гулял около вокзала. Время шло к полуночи. Вокзал — затихал. Последние поезда ушли, табло — погасло, кассы — закрылись. Народ — поредел. Остались — свои: вокзальные, беспризорные, пьяные, одинокие. Те, кому некуда. Те, кто — здесь, потому что здесь — крыша, свет, тепло. Сергей — тоже — свой. Тоже — вокзальный. Тоже

— некуда.

Он бродил вокруг ларьков — тех, что стояли за вокзалом, в ряд, с окнами-выдачей и вывесками. Ларьки — закрыты, ставни — опущены, только один — ночной, с светящимся окном. Сергей стоял у ларька, курил, смотрел на народ. Приходящий, уходящий. Люди — шли мимо: кто с сумками, кто с чемоданами, кто — ни с чем. Приходили — и уходили. Как прилив и отлив. Как дыхание. Город — дышал людьми. Вдох — приехали. Выдох — уехали. А те, кто остались — те, кто не уехал — те — лёгкие города. Мусор. Песчинки. Те, кого не выдохнули. Или — не вдохнули.

И тут — он увидел. За вокзалом, у стены, на земле — сидела женщина. Сидела — не прямо, а — боком, привалившись к кирпичной стене, ноги вытянуты, голова — опущена. Пьяная. Выпившая. Сильно. Рядом — бутылка, пустая, катящаяся в пыли. Одежда — мятая, грязная, спортивная — олимпийка, треники. Волосы — чёрные, спутанные, с сединой. Лицо — широкое, скуластое, тёмное от загара и от грязи. Глаза — закрыты, или полузакрыты, или — не было разницы. Она — спала, или дремала, или — была в том состоянии, когда человек уже не пьёт, но ещё не спит, а — висит. Между.

Сергей присмотрелся. И — узнал.

Это была бабочка. Так её звали — Надя-бабочка. По национальности — хантыйка. Коренная, северная, из тех, кто жил здесь до всех — до русских, до нефтяников, до горо-

дов. Ханты — народ тихий, лесной, речной. Рыбаки, охотники, оленеводы. Но Надя-бабочка — не рыбачила и не охотилась. Надя-бабочка — пила. Пила — давно, много, постоянно. Пила — и жила, где придётся. Куда приташат — там и живёт. Имя у неё было — совсем другое, настоящее, хантыйское. Никто не мог его выговорить — длинное, гортанное, с звуками, которых нет в русском. Поэтому — бабочка. Все звали — бабочка. И Надя — потому что похожа была на Надю, может, или — так проще. Бабочка — потому что... Сергей не знал почему. Может, потому что летала — от дома к дому, от мужика к мужику, от бутылки к бутылке. Летала — без направления, без цели, без маршрута. Бабочка — без крыльев. Бабочка — с похмельем. Бабочка — которую все знали и никто не жалел.

Она была грязная, неухоженная. От неё пахло — даже отсюда, за три метра. Перегар, застарелый, кисло-сладкий, как бродильня. Грязь — не свежая, а ввевшаяся, многодневная, ввевшаяся в кожу, в ткань, в волосы. Ногти — чёрные. Руки — красные, обветренные, с трещинами. Зубы — желтоватые, с тёмными пятнами. Она была — не молода и не стара. Возраст — стёрся. Бабочка — вне возраста. Бабочка — вне времени. Бабочка — вечная, как вокзал, как бетон, как пыль.

И Сергею — почему-то — захотелось. Захотелось — с женщиной. С ней. С Надей-бабочкой. Он не мог этого объяснить. Не себе — не ей. Просто — захотелось. Тело — за-

хотело. Не голова — тело. Тело — знало, чего хочет, раньше, чем голова успела подумать. Тело — живое, молодое, горячее. Четырнадцать лет — и тело — просило. Просило — того, чего у него не было. Не было — никогда. В спецшколе — не было девчонок. На свободе — не было времени, не было места, не было — никого. А здесь — была Надя. Пьяная, грязная, доступная. Не «доступная» — а — «не оттолкнёт». Не оттолкнёт — потому что не сможет. Не оттолкнёт — потому что ей — всё равно. Не оттолкнёт — потому что ей — хуже, чем ему. И от этого «не оттолкнёт» — было одновременно и возможность, и стыд. Возможность — потому что можно. Стыд — потому что от того, что можно — тошно.

Он подумал: может быть, видимо, он рано начинал взрослеть во всех отношениях. Не по годам — по жизни. Жизнь — выросла раньше тела. Тело — догоняло. Или — перегоняло. Он не знал. Он знал только одно: ему — хотелось. И — некому. И — некуда. И — Надя — была.

Сергей подошёл. Тихо, не торопясь. Она — не шевелилась. Он наклонился, тронул за плечо — осторожно, как трогают спящего, которого будить не хочется, но — надо.

— Надя, — сказал он. — Надя, проснись.

Она — не отреагировала. Мычала — что-то, невнятное, глухое. Голова — качнулась, как у куклы на шарнирах.

— Надя! — чуть громче. Толкнул — легонько, с полудрёма. — Не помнишь меня, Надя?

Она открыла глаза — мутные, красные, без выражения.

Посмотрела — не на него, а — сквозь. Как наркоманы на лестнице. Как мать в квартире. Как все, кто не видит. Она улыбнулась — медленно, криво, одной стороной рта. Улыбнулась — потому что как она могла его запомнить? Сколько было у неё мужчин — не перечесть. Одним больше, одним меньше. Как бутылок. Как ночей. Как ступеней. Все — одно. Все — лицо. Все — забудется к утру. Она улыбнулась — и эта улыбка была — как фонарь, который мигает: свет есть, но — пустой. Свет без тепла. Улыбка без радости.

— Серёжа... — выдавила она, может, вспомнила, может, просто — сказала первое имя, которое пришло. Могла — ошибиться. Могла — попасть. Разницы — нет.

— Я, — сказал Сергей. — Я, Надя. Помнишь?

— Помню, помню... — пробормотала она. Голос — хриплый, низкий, с хантыйским акцентом. — Помню, конечно...

Не помнила. Сергей — знал. Но — не важно. Не важно — помнит или нет. Важно — что — здесь. Что — рядом. Что — не оттолкнула.

Он знал, что Надя выпивает очень много. Знал — от пацанов, от двора, от тех, кто видел её раньше. Знал, что она пьёт — всё, что есть. Портвейн, пиво, водку, что угодно. Пьёт — и не закусывает. Пьёт — и не останавливается. Пьёт — пока не упадёт. А упадёт — пока не встать. И снова — пьёт. Это — не жизнь. Это — колесо. Колесо — без оси. Крутится — и крутится. И не остановится, пока — не сломается. Или — пока не умрёт.

— Будешь пить? — спросил Сергей. Просто. Как спрашивают — «хочешь чаю?». Но — не чаю. Он знал, что она пойдёт ради алкоголя. Пойдёт — куда угодно. Пойдёт — с кем угодно. Ради алкоголя — пойдёт. Это — не выбор. Это — тяга. Тяга — сильнее ног, сильнее головы, сильнее стыда. Тяга — ведёт. А ноги — идут. И человек — тянется.

— Буду, — сказала Надя. Коротко. Твёрдо. Одно слово — и в нём — вся она. Вся — жизнь. Вся — беда.

— Ну, вставай тогда, пойдём, — сказал Сергей. — До ларька дойдём, куплю тебе чё-нибудь.

Он протянул руку. Она — взяла. Рука была — тёплая, сухая, шершавая, как наждак. Он потянул — она — поднялась. Встала — качаясь, как тростник на ветру. Походка — неуверенная, ноги — ватные, колени — подгибались. Она еле стояла. Качалась — вперёд, назад, влево, вправо. Не падала — но — почти. Сергей подхватил её — под локоть, подержал. Она — не отстранилась. Приняла. Как дерево, которое — облокотилось на забор. Держится — и ладно.

Сергей не знал — для чего он это делает. Просто — хотелось. В нём переполняли эмоции. В голове — гудело. Не от пива — от одиночества. От того, что — один. От того, что — ночь. От того, что — вокзал. От того, что — некого. От того, что — тело. От того, что — четырнадцать. От того, что — всё. Всё сразу — и ничего конкретного. Просто — хотел. И — взял. Взял — за локоть. Повёл. Она — шла. Шла — потому что — пить. Он — шёл, потому что — она. Оба —

шли. В одну сторону. К ларьку. К бутылке. К — ночи.

Они дошли до ларька. Ночной ларёк — светился, как маяк. Продащица — та же, заспанная, с журналом. Подняла глаза — на Сергея и на Надю. Посмотрела — и отвернулась. Не удивилась. В ночном ларьке — не удивляются. Ночной ларёк — это театр абсурда: приходят — все, покупают — всякое, уходят — в ночь. Продащица — видела всё. Бабочку — знала. Не по имени — по запаху. Бабочка — была клиент. Постоянный. Как абонемент.

— Чё тебе? — спросил Сергей Надю. — Что будешь?

— Портвейн, — сказала Надя. Голос — стал чуть твёрже. Алкоголь — давал силу. Не физическую — волевою. Тело — слабое, но воля — крепкая. Воля — пить. — И пиво. Крепкое.

— Какое пиво? — спросил Сергей.

— Крепкое, — повторила Надя. — Какое есть. «Балтика» девятку. И портвейн. «Три топора», если есть.

Сергей кивнул. Продащица — достала. Портвейн — в бутылке, тёмной, с этикеткой, на которой — три топора, красные, на белом. Пиво — «Балтика 9», крепкое, в пластике, полторашка. Сергей взял себе — «Балтику тройку», 0,3, маленькую. Не любил — топить. Не любил — напиваться. Напиваться — значит терять контроль. Контроль — это жизнь. Но здесь — для храбрости — надо было. Надо было — что-то в себя залить, чтобы — руки не тряслись. Чтобы — голос не дрожал. Чтобы — делать то, чего не делал. Чтобы —

быть тем, кем не был. Храбрость — из бутылки. Фальшивая, временная, пластиковая — но — храбрость.

Расплатился у кассы. Купюры — из толстого кармана. Сдача — мелочью. Сложил всё в пакет — портвейн, пиво, своё пиво. Взял ещё сухарики — солёные, в пачке, с укропом. И сигареты — пачку, свою. Всё — в пакет. Полный. Тяжёлый. Тяжёлый — от бутылок. От стекла и пластика. От — ночи, которая — впереди.

С Сергеем пошли — твёрдой походкой. Твёрдой — он шёл. Надя — шаталась. Он — держал. Она — не сопротивлялась. Она — доверяла. Доверяла — как доверяет дерево забору. Не потому что верит — а потому что — без забора упадёт. Он — забор. На одну ночь. На один час. На один — момент.

В сторону шестнадцатиэтажек. Они были прямо напротив ЖД-вокзала — высокие, серые, панельные, с рядами окон. Некоторые — светились, жёлтым, тусклым. Чужой свет. Чужие окна. Но — здесь, внизу, на земле, под окнами — можно. Можно — зайти, подняться, спрятаться. И — никому — не дело.

Ей тоже негде было жить. Она жила — где придётся. Куда приташат — там и живёт. Сегодня — один подъезд, завтра — другой. Один мужик — сегодня, другой — завтра. Один картон — здесь, другой — там. Жизнь — без адреса. Жизнь — без почты. Жизнь — без двери. Двери — для людей. Для бабочки — порог. Порог — вход, порог — выход. Перешаг-

нула — и всё. Здесь — не здесь. Там — не там. Везде — и нигде.

Сергей довёл её до шестнадцатietàжки. У подъезда, у мусорки — нашёл картон. Картон — от холодильника, большой, сложенный, вчетверо. Картон — это кровать без ножек. Картон — это матрас без пружин. Картон — это — всё, что нужно. Для тех, кому — больше не нужно. Он поднял картон, отряхнул, сложил — под мышку. Тяжёлый, плотный, гофрированный. Хорошо. Тёплый — будет. Бетон — холодный. Картон — между. Между — телом и бетоном. Картон — защита. Тонкая, картонная — но защита.

Они зашли в подъезд. В этих подъездах — не было консьержки. Не было — бабки у двери, с журналом, с подозрительным взглядом. Не было — камеры. Не было — ничего. Просто — дверь, лифт, лестница. Удобно. Хорошо. Для тех, кому — надо. Для тех, кто — не хочет, чтобы видели.

Сергей думал — главное, чтоб его не заметили из жильцов. Потому что личность Нади была известна всему городу. Все знали — бабочку. Все — видели. Все — отворачивались. Бабочка — была — как мусор: все знают, что есть, все — отворачиваются, никто — не убирает. Если кто-то из жильцов увидит — Сергея с бабочкой — в подъезде, ночью — это будет разговор. Это будет — слух. А слух — в маленьком городе — летит. Летит — как бабочка. Быстро, тихо, от уха к уху. И скоро — весь город будет знать: «А, Пешков, который из спецшколы вернулся? Так он — с бабочкой ходит». И

— всё. Репутация — сделана. Репутация — как татуировка: выколол — и навсегда.

Открылся лифт. Сергей зашёл с Надей — в лифт. Лифт — маленький, тесный, с зеркалом на стене. В зеркале — они: он — молодой, худой, в новой футболке. Она — старая, пьяная, грязная. Контраст — как на фотографии: чёрное и белое. Только — не так красиво. Грубо. Тошно.

Надя — сразу:

— Дай выпить, — сказала она. Голос — просящий, тонкий, детский. Как ребёнок, который просит конфету. — Дай, Серёжа, дай...

— Подождём, — сказал Сергей. — Сейчас доедем, доведём. Потерпи.

— Ну дай хоть глоточек... — она тянула руку к пакету.

— Надя, — сказал он твёрже. — Сказал — потерпи. Довезём — там выпьешь. Всё будешь пить. Всё.

Она — убрала руку. Посмотрела — снизу вверх, мутными глазами. Не обиделась — смирилась. Смирение — привычное, отработанное. Смирение — от жизни, где — не тебе решать. Где — тебе дают. Дают — когда хотят. Не дают — когда не хотят. И ты — терпишь. Потому что — нечего. И некому жаловаться. И некуда.

Так они доехали до верхних этажей. Сергей выбрал этаж — где была выкручена лампочка. Тёмный этаж, между пролетами, где не светит — ничего. Темнота — друг. Темнота — покров. Темнота — не видит. В темноте — все одинако-

вы. В темноте — нет грязи, нет запаха, нет — различий. В темноте — есть только тепло тела и холод бетона. И — больше ничего.

Он расстелил картон — на полу, между этажами, в тёмном углу, где перила сходятся. Картон — лёг, ровно, плотно. Сергей поправил — края, углы, чтобы не загибался. Аккуратно. Как стелил — в спецшколе. Как стелил — в подъезде Сургута. Как стелил — везде. Картон — это ритуал. Ритуал — перед сном. Перед — бетоном.

Всё. Дал Наде выпить. Достал из пакета портвейн, отвинтил пробку, протянул. Она — взяла. Двумя руками, как — сокровище. Прижала — к груди. Глотнула — длинно, жадно, с закрытыми глазами. Лицо — расслабилось, как наркоман после укола. Портвейн — пошёл. Внутрь, в желудок, в кровь, в голову. И — отлегло. У неё — отлегло. У Сергея — нет. У Сергея — ещё не начиналось.

Надя села на картон, выпивала — портвейн, пиво, всё впремешку. Глоток портвейна — глоток пива. Глоток пива — глоток портвейна. Не закусывала. Сухарики — открыла, хрустела, не торопясь. Она — пила, как дышала. Естественно, без пауз, без раздумий. Пить — это не действие. Пить — это состояние. Состояние — в которое переходишь — и всё. И — нет выхода. Выход — там же, где вход. В бутылке.

Сергей — к ней не знал, как подобступить. Сидел — рядом, на картоне, потихоньку курил сигарету, пил «Балтику тройку». Пил — медленно, по глотку. Курил — так же,

не торопясь. И — не знал. Не знал — с чего начать. Не знал — что сказать. Не знал — что делать. В спецшколе учили — драться, бегать, прятаться, выживать. Не учили — одному. С женщиной. В темноте. На картоне. Этому — не учили. Этому — не учат. Это — либо умеешь, либо — нет. Он — не умел. И — боялся. Не её — себя. Боялся — что сделает — не то. Скажет — не то. Прикоснётся — не так. И — всё испортит. А как — надо — не знал. Потому что — некому было научить. Мать — не учила. Отец — не учил. Спецшкола — не учила. Улица — не учила. Улица учила — бить. Не — любить.

Глава 15. Красный уголёк

В оконцовке Надя начала засыпать. Она видимо уже набралась — старые дрожжи, те, что от вчерашнего, ещё и напилась портвейна, семидесяти второго, пива крепкого — она уже приняла горизонтальную позу. Легла — на картон, на спину, руки — вдоль тела. Глаза — закрылись. Рот — приоткрылся. Дышала — тяжело, с хрипом, с присвистом. Она — ушла. Не в сон — в отключку. Туда, откуда — не сразу вернёшься. Туда, где — темно, тепло, нет боли, нет запаха, нет — ничего. Бабочка — сложила крылья.

Сергей курил. Его трясло. Не от холода — от нервов. Весь трясся — мелко, часто, как при температуре. Руки — дрожали. Ноги — дрожали. Плечи — ходили. Его переполняли эмоции — не конкретные, а все сразу. Страх, возбуждение, стыд, любопытство, отвращение — всё вместе, в одной куче,

и не разобрать, где что. Он не знал, как себя надо вести, чём надо делать. Четырнадцать лет — и не знал. Четырнадцать лет — и трясся, как лист. Не от жары — от неизвестности. Не от опасности — от близости. Близость — страшнее опасности. Опасность — знаешь: враг, удар, бег. Близость — не знаешь: кто, что, как. Близость — без правил. Без инструкции. Без — училки.

Время шло к полуночи. В подъезде — пусто. Народу не было — потому что лето. Все гуляли. Зачем сидеть по вонючим подъездам, когда на улице — тепло, ночь, молодость? Везде — тишина. Только лифт — гудел, изредка. И дверь — хлопнула, где-то. И — тишина. Тишина — густая, как кисель. Тишина, в которой слышно — как бьётся сердце. Его сердце. Часто, громко, как стук в дверь, которую никто не открывает.

Сергею осталось ещё полбутылки пива «Балтика тройка». Он — ещё раз закурил сигарету. Красный уголёк — мелькал во тьме. Мелькал — как маяк, как сигнал, как — единственный свет в этом тёмном подъезде. Уголёк — дышал: затянулся — ярче, выдохнул — тусклее. Дышал — за него. Пока он — не мог. Он — не дышал. Он — трясся. Уголёк — дышал.

Он был перевозбуждён — всего. Не знал, как правильно делать. Возбуждение в нём — переполняло. Через край, через край, через — всё. Тело — хотело. Голова — не знала. Тело — одно. Голова — другое. Тело — вперёд. Голова — назад. Тело — кричало: «Сейчас!». Голова — шептала: «Не

знаю». И — между ними — он. Сергей. Четырнадцать лет. На картоне, в темноте, с пьяной бабочкой, с красным угольком, с дрожащими руками.

Пооконцовке он присел рядом с Надей. Она уже посапывала — тихо, ровно, с хрипотцой. От неё пахло — ужасно. Перегаром и грязью. Запах — не от кожи, а от жизни. Жизнь — пахла. Жизнь Нади — пахла. Бабочка — пахла. Запах — кислый, тяжёлый, липкий, как туман. Запах — многодневный, многолетний, вьёвшийся. Не отмоется. Не выветрится. Запах — это она. Это — её жизнь. В запахе — всё: все мужики, все бутылки, все ночи, все подъезды. Запах — биография. Без слов.

Сергей не обращал на это внимание. Пока — не обращал. Ему была интересна сама женщина. Плоть. Женская. Потому что он не знал — когда ещё получится. И — вообще как это получается у обычных мужчин, становиться мужчинами. Как — переход. Когда — мальчик становится — мужчиной. Не в спецшколе, не в драке, не в краже. А — здесь. С женщиной. В близости. В — теле. Может — это и есть — порог. Порог — между «до» и «после». Между — мальчишкой и — мужчиной. И он — стоял на пороге. И — не мог. И — хотел. И — боялся. И — трясся.

Сергей лёг рядом с Надей. Докурив свою сигарету — задушил, раздавил, о картон. Лёг — на бок, лицом к ней. Она — не шевелилась. Спала. Дышала. Хрипела. Жила — во сне, без него. Он — лежал — и смотрел. В темноте — не видно.

Только — контуры. Только — очертания. Только — тепло. Тепло — от тела. От её тела. Близко.

Его руки — медленно — залезли к ней под кофту. Спортивную, грязную, олимпийку. Руки — медленно, как слепые, ползли — вверх, по животу, по рёбрам. Добрались — до грудей. Грудь — мягкие, тёплые, тяжёлые. Она — не обращала внимания. Не отстранилась, не открыла глаза, не сказала — ничего. Спала. Или — не реагировала. Или — ей было всё равно. Может — привыкла. Может — не чувствовала. Может — не первый раз. Может — не последний. Всё — равно.

Он начал потихоньку — утискать. Грудь. Мягкую, тёплую. Не знал — как. Не знал — правильно, или нет. Не знал — нежно или грубо. Не знал — ничего. Действовал — инстинктом. Как слепой котёнок у соска. Двигался — наощупь, в темноте, без опыта. Руки — дрожали. Пальцы — неловкие, грубые, с мозолями. Не те руки — для нежности. Те руки — для турника, для драки, для кражи. Не — для женщины.

Он не знал, чё надо делать. Его всё перевозбуждало. Кровь — кипела, стучала, в висках, в животе, в — везде. Потом — медленно вынул руку из-под олимпийки. Попытался медленно — погладить её ноги. Поднимая руку свою — всё ниже, к её животу, под юбкой. Юбка — грязная, мятая, короткая. Ноги — голые, тёплые, шершавые. Бедро — полное, мягкое, тёплое. Рука — шла — по бедру, вверх, медленно, как по тропинке в темноте. Куда — шла? Туда. Туда, куда — надо. Куда — тело вело. Куда — инстинкт. Куда — без головы.

Голова — отключилась. Голова — ушла. Осталось — тело.

Так он добрался — до трусов. Ткань — тонкая, мягкая, тёплая. Тепло — шло оттуда. Живое тепло. Тепло — тела. Тепло — женщины. Он не знал, как надо себя вести. Смущался. Стеснялся. Там — у неё — всё было тепло. Тепло — и — влажно. И — незнакомо. Он коснулся — пальцами, сквозь ткань. Мягко, неуверенно. Касание — лёгкое, как дыхание. Она — никак не реагировала. Вообще. Ни шевельнулась, ни вздохнула, ни — слова. Спала. Или — не спала. Но — не реагировала. Как — мёртвая. Не мёртвая — как — бревно. Бревно — тёплое. Бревно — живое. Но — бревно.

Сергей уже заметил, что уже его всё переполнило. Возбуждение — дошло до края, до верха, до — некуда. Тело — было готово. Тело — хотело. Тело — кричало. Но — его отторгал этот запах. Запах — её грязи. Грязи — не от тела, а от жизни. Жизни, которую он — не выбирал. Жизни, которую — не хотел. Жизни, которая — пахнет. Пахнет — плохо. Пахнет — кисло, тяжело, горько. Пахнет — бедой. И от этого запаха — возбуждение — отступало. Как прилив — отливает. Как огонь — гаснет. Как уголёк — тускнеет. Запах — гасил. Запах — отбирал. Запах — говорил: не надо. Не — это. Не — здесь. Не — с ней.

И где-то — хлопнула дверь. Гулко, внизу, далеко. Эхо — по лестнице, по бетонной шахте. Сергей — испугался. Вытащил руку. Сел. Резко, как по команде. Сердце — стукнуло. Раз. Два. Три. Прислушался. Тишина. Дверь — чужая,

соседская, случайная. Никто не идёт. Никто не видел. Но — момент — ушёл. Момент — лопнул, как пузырь. Момент — исчез, как красный уголёк в темноте.

Сергей сел рядом с ней — на ступеньки. Закурил сигарету. Затянулся — глубоко, до кашля. Выдохнул — долго, серо, тяжело. И — думал. Вспоминал. Вспоминал — как он коснулся пальцами, сквозь трусики, её — тёплого. Приятного. Тёплого — и приятного. Да. Было — тепло. Было — приятно. Тело — помнило тепло. Тело — хотело — вернуться. Но — тогда ему приходилось всё ближе прикасаться к ней. И чувствовать — тот большой запах. Запах, который — нарастал. Чем ближе — тем сильнее. Чем сильнее — тем от-вратнее. Оно давало ему отвращение. Отвращение — сильнее возбуждения. Отвращение — сильнее тепла. Отвращение — сильнее — всего.

Так Сергей ничего не захотел больше с ней сделать. Не захотел — и — не смог. Не из силы воли — из запаха. Запах — решил. Запах — остановил. Запах — был — стена. Стена — между ним и ней. Между — желанием и — реальностью. Между — телом и — правдой. Желание — было. Правды — не было. Была — грязь. Была — бутылка. Была — бабочка, которая — спала, и от которой пахло жизнью, которую он не хотел. Не хотел — такой. Не — сейчас. Не — здесь. Не — так.

Он просидел на ступеньках — так — до самого утра. Не трогав её. Не — потому что не хотел. А — потому что запах

отвращения был неприятный. Неприятный — сильнее приятного. Так — всегда. Приятное — проходит. Неприятное — остаётся. Приятное — секунда. Неприятное — час. Приятное — тепло. Неприятное — холод. И холод — сильнее. Всегда — сильнее.

Сергей сидел и курил. Сигарета — за сигаретой. Красный уголёк — мелькал во тьме. Мелькал — как жизнь, которая — мигает, мигает, мигает — и гаснет. Он сидел, и Надя спала, и ночь шла, и утро — приближалось. Утро — серое, сибирское, раннее. Свет — из окон лестницы, слабый, бледный, как простуда. Свет — пришёл, и тьма — отступила. И в свете — всё стало видно: картон, бутылки, окурки, Надя — на спине, с открытым ртом, с грязными волосами, с руками — вдоль тела. Всё — видно. Всё — ясно. Всё — так, как есть. Грубо. Точно. Без темноты, которая — прятала.

Сергей встал. Потянулся — хруст, хруст, хруст. Кости — снова. Бетон — снова. Всё — снова. Посмотрел на Надю. Она — спала. Будет — спать, пока не проснётся. Проснётся — и будет пить. Будет пить — пока не уснёт. Уснёт — и будет спать. Круг. Колесо. Без оси. Без — конца. Бабочка — без крыльев.

Он не стал её будить. Не стал — прощаться. Не стал — говорить. Просто — встал, взял пакет с недопитым пивом, вышел из подъезда. Утро — было. День — начинался. Витюк — надо искать. Жизнь — шла. Бабочка — спала. А Сергей — шёл. Шёл — дальше. Не — назад.

Глава 16. План «Б»

Сергей ещё прогулял несколько дней по городу. Так никого и не встретив из старых знакомых. Ходил по тем же маршрутам — вокзал, набережная, автовокзал, ларьки, двory. Круги. Те же круги, что и в Сургуте, только шире. Нижневартовск — не Сургут, город больше, улицы длиннее, но круги — те же. Идёшь и возвращаешься. Идёшь и возвращаешься. Куда ни пойдёшь — приходишь обратно. К началу. К пустоте.

Каждый день — одинаков. Утро — на пожарной лестнице, на бетоне. День — по городу, стаптывая ноги. Вечер — вокзал, кофе «три в одном», скамейка. Ночь — снова лестница, снова бетон, снова холод. Дни — шли, как поезда на табло: один за другим, одинаковые, без остановок. Витюка — не нашёл. Никого — не нашёл. Город — пустой. Не от людей — от своих. Своих — не было. Друзья — исчезли, разъехались, сели, выросли, забыли. Четыре года — для пацанов — вечность. Четыре года — всё меняет. Кто-то женился, кто-то сел, кто-то уехал, кто-то умер. А Сергей — вернулся. Как призрак. Как тень. Как — тот, кого не ждали.

Деньги — таяли. Не быстро — но таяли. Каждый день — минус: сникерсы, лимонад, сигареты, кофе, сухарики. Мелочь — по тридцать, по пятьдесят, по сто. Но мелочь — копится. Из двадцати трёх тысяч — уже минус три, может четыре. Осталось — девятнадцать, может двадцать. Ещё — на неделю, на две. А потом — ноль. И тогда — что? Снова —

терпились? Снова — грабёж? Снова — риск? В Нижневартовске — не Сургут. Здесь — не знает никто. Здесь — можно. Но — здесь — и поймать могут. Менты — не сургутские, не знают Пешкова, но — ловят всех. Не по имени — по поведению. Кто шатается, кто не ночует дома, кто без дела — тот — подозрение. Подозрение — это проверка. Проверка — это документы. Документы — это розыск. Розыск — это конец.

И мысль о втором плане — «Б» — приобрела реальный вид. Не черновик — уже план. Не «может быть» — «надо». Монастырь. Тот самый, о котором он думал на лестнице, в первую ночь. Монастырь — стены, крыша, еда. Монастырь — туда не ходит милиция. Монастырь — можно переждать. Пересидеть. Пока — не уляжется. Пока — не забудут. Пока — не отстанут.

Он решил — что сегодня утром пойдёт в церковь и попросит у настоятеля рекомендацию, направление в монастырь. Так ему когда-то советовали — он уже не помнил кто. Кто-то из бездомных, может, или где-то он читал. Что надо прийти к настоятелю церкви, рассказать — мол, негде жить, некому помочь, попросить — отправить в монастырь, послушником, работником. При монастырях — берут. Берут — всех. Бомжей, беспризорников, алкоголиков, наркоманов. Берут — потому что монастырь — это место, где не спрашивают «кто ты». Спрашивают — «чем поможешь». А помочь Сергей мог — руками, спиной, ногами. Он — умел работать. В спецшколе научили — дрова колоть, полы мыть, стены кра-

силь, землю копать. Не учёный — но рабочие руки. Рабочие руки — в монастыре нужны. Может — больше, чем учёные.

Утренняя служба начиналась в девять. Он проснулся — рано, часов в семь. Бетон — опять. Кости — опять. Хруст — опять. Но — сегодня — не круги. Сегодня — дорога. Дорога — в церковь. К бабушке. К — может быть, новой жизни. Или — к ещё одной стене. Стен — в его жизни было много. Спецшкола — стена. Подъезд — стена. Лестница — стена. Монастырь — стена. Но monastery — стена, которая — кормит. Это — другая стена. Может — лучше. Может — нет. Увидим.

Пошёл — часов в восемь, не торопясь. Церковь была — в центре, недалеко от вокзала. Красная, большая, высокая, с золотыми куполами, которые блестели на утреннем солнце. Купола — яркие, как огоньки, как свечи, как — то, к чему идёшь. Нижневартовск — хороший город. Быстро строился, быстро рос. Не то что Сургут — там всё старое, обшарпанное, усталое. Здесь — новее, шире, просторнее. Может, потому что нефть. Нефть — деньги. Деньги — стройка. Стройка — город. Город — жизнь. Жизнь — которой у Сергея не было. Но — может — будет. Может — в монастыре. Может — нет.

Он подошёл к церкви. У калитки стояли бабушки — женщины в платочках, тёмных, с узорами, с сумками. Некоторые — мужчины, редко, по одному. Просили — милостыню. Протягивали руки — кто с кружкой, кто с ладонью, кто про-

сто — стояли и молчали. Сергей прошёл мимо. Ему было — нечего дать. Кто бы ему самому помог. Он — просил бы, но — не умел. Просить — это унижаться. Брать — можно. Просить — нет. Разница — в том, что берущий — берёт у того, кто боится. А просящий — просит у того, кто жалеет. Сергей — не хотел, чтобы жалели. Жалость — хуже равнодушия. Равнодушие — честное. Жалость — нет. Жалость — это когда тебе дают, но смотрят сверху. Сергей — не хотел сверху. Он — хотел — ровно. Но — ровно — никто не давал.

Он перекрестился у калитки — привычно, машинально, как делал всегда. Рука — ко лбу, к плечу, к плечу. Крестное знамение — жест, который тело помнило лучше, чем голова. Голова — сомневалась. Тело — крестилось. Тело — верило. Или — притворялось, что верит. Разницы — нет. В церкви — не проверяют. В церкви — смотрят, как ты стоишь, как молишься, как крестишься. А что внутри — твоё. Внутри — у Сергея было — темно. Но — рука крестилась. И — достаточно.

Зашёл в калитку, пошёл в сторону храма. Храм — стоял в центре двора, окружённый деревьями — берёзы, тополя, кусты сирени. Сирень — цвела. Фиолетовая, белая, густая, с запахом, который бил в нос, в голову, в — нутро. Запах — сладкий, тёплый, живой. Запах — не церкви, а — жизни. Жизнь — цвела. У церкви — жизнь. Может, поэтому — туда. Может, поэтому — все. Не к богу — к запаху. К запаху — живого.

Глава 17. Храм

Сергей подошёл к крыльцу храма. Остановился. Перед входом — перекрестился, как положено, три раза. Три поклона — поясных, не земных. Земные — для монахов, для старцев, для тех, кто умеет. Он — не умел. Он — умел как все: крестился, кланялся, стоял. Не молился — нет. Молитвы — не помнил. «Отче наш» — помнил, но — обрывками, с паузами, с забытыми словами. Молитва — как песня: знаешь мотив, а слова — нет. Мычал — про себя, без слов. Может — богу — всё равно. Может — слышит без слов. Может — нет. Сергей — не знал. Не знал — и шёл.

Поднялся по ступенькам. Ступеньки — каменные, стёртые, с выбоинами. Много ног — ходили. Много людей — входили. Много жизней — проходили. И — он. Ещё одна. Ещё одна жизнь — на пороге.

Зашёл — и сразу — удар. Не кулаком — запахом. Ладан. Тягучий, густой, тяжёлый, как дым от костра, только — сладкий. Ладан — не запах, а — присутствие. Он — заполнял всё: воздух, лёгкие, глаза, нос, горло. Он — лез внутрь, как вода, и — не выходил. Сергей не любил ладан. Ему было тяжело дышать. Всегда — тяжело. В пыльных помещениях — трудно. В церкви — тоже. Из-за этого запаха — неопишимо, не природного, не живого. Ладан пах — как молитва, которую сжигают. Как слова, которые превращают в дым. Сергей — не понимал. Но — терпел. Терпел — потому что надо.

Надо — для плана. Для батюшки. Для монастыря. Терпи — и стой.

В храме — полумрак. Свет — только от свечей. Свечи — везде: на подсвечниках, перед иконами, у алтаря, в руках прихожан. Огоньки — маленькие, жёлтые, дрожащие. Дрожат — от дыхания, от сквозняка, от движения. Копоть — от свечей — поднимается к потолку, чёрная, тонкая, как паутина. Копоть — на стенах, на иконах, на потолке. Копоть — это годы. Годы молитв, годы свечей, годы — людей. Копоть — это память. Память — храма.

Бабушки — мельтешили. Сновали — между подсвечниками, между иконами, между людьми. Убирали огарки — пальцами, привычно, не обжигаясь. Переставляли новые свечи — ровно, по линейке. Протирали — иконы, подоконники, скамеечки. Бабушки — это армия храма. Незаметная, тихая, вечная. Без бабушек храм — не храм. Без бабушек — свечи погаснут, иконы запылятся, пол зарастёт. Бабушки — держат. Бабушки — стоят.

Сергей прошёл — в угол. Подальше от входа, подальше от свечей, подальше от взглядов. Угол — тёмный, тихий, незаметный. Как на пожарной лестнице. Как в подъезде. Угол — его место. Угол — везде. Сел на лавочку — деревянную, узкую, с подлокотниками. Сел — и выдохнул. Выдохнул — ладан. Ладан — выходил, медленно, неохотно. Лёгкие — сопротивлялись. Горло — першило. Но — терпимо.

Служба — ещё не началась. Народ — собирался. Женщи-

ны — входили, крестились, подходили к иконам, целовали. Мужчины — реже, по одному, по два. Входили — как Сергей: в угол, к стене, молча. Мужчины в церкви — как собаки в библиотеке: не на месте, неудобно, но — терпят.

И тут — подошла. Женщина. Суровая. В платочке — тёмно-синем, с кисточками. Приличных пенсионных годов. Лицо — строгое, с морщинами, с поджатыми губами. Взгляд — прямой, оценивающий, как у заведующей столовой. Подошла — и встала рядом. Посмотрела — сверху вниз. Сергей — сидел.

— Встань, — сказала она. Голос — тихий, но — твёрдый. Не просьба — приказ.

— Что? — Сергей поднял глаза.

— Встань, говорю. Лавочки эти — для стариков. Для больных. А ты — молодой. На ногах постоишь.

Сергей — посмотрел на неё. На морщины, на платочек, на губы — поджатые, как щель в почтовом ящике. Встал. Не потому что согласен — потому что спорить — дольше. Спорить в храме — с бабушкой — это как спорить с бетоном. Бетон — не слышит. Бетон — стоит.

— Спасибо, — сказал он. Не понятно — за что. За то, что встанет? За то, что сказала? За то, что — увидела? Бабушка — увидела. Бабушка — сказала. Бабушка — заставила встать. Может — это и есть — церковь. Не бог — а бабушка, которая говорит: встань.

Он стоял — на ногах, в углу, молча. Служба началась. Хор

— запел. Голоса — тонкие, женские, высокий дискант, без инструмента, а капелла. Красиво. Даже Сергей — почувствовал. Не веру — нет. Красоту. Красота — без веры — бывает. Как закат. Как река. Красота — не спрашивает, веришь ли. Красота — есть. И — всё.

Батюшка — вышел из алтаря. В ризе — золотой, тяжёлой, с вышивкой, с крестами. Борода — седая, длинная. Голос — низкий, гулкий, как колокол. Говорил — молитвы, медленно, нараспев, с паузами, с перерывами. Народ — слушал. Крестился. Кланялся. Сергей — стоял. Крестился — когда крестились. Кланялся — когда кланялись. Делал — как все. Как — один из всех. Песчинка. В храме — тоже песчинка. Хорошо.

Но — мысли. Мысли — не молились. Мысли — смотрели. Смотрели — на иконы. Сколько стоят? Настоящие ли? Золотые ли? Вон та — в золотом окладе, с камнями. Камни — настоящие? Или стекло? А крест — на груди батюшки. Золотой? Или позолоченный? Дорогие ли камни — в кресте? Вот эти — красные, синие — сколько? Тысячу? Две? Десять? Мысли — лезли, как тараканы, некстати, не вовремя. Мысли — о деньгах. В храме — о деньгах. Это — неправильно. Сергей — знал. Но — мысли — не слушались. Мысли — жили сами, как тело. Тело — хотело женщину. Мысли — хотели денег. А голова — хотела — монастырь. Три головы — в одном человеке. И все три — разные.

Может, за эти мысли — его и выгоняло. Может, поэтому

— тяжело в храме. Будто кто-то — отталкивал. Не батюшка, не бабушка — кто-то. Изнутри. Что-то. Может — бог. Может — совесть. Может — бетон. Бетон — везде. Даже в храме. Бетон — в душе. И от него — не убежишь. Не спрячешься. Даже — в монастыре.

Так Сергей простоял — всю утреннюю службу. Час, может больше. Ноги — затекли. Спина — болит. Ладан — в горле, в носу, в голове. Но — стоял. Стоял — для батюшки. Чтобы — видели. Чтобы — батюшка видел, что Сергей — ходит на службу, что он — не нахлебник, не прохожий, не — бродяга. Что он — верующий. Или — хочет быть. Или — притворяется. Разницы — нет. Главное — видел.

Когда закончилась утренняя служба, народ — потянулся к выходу. Сергей — тоже. Потянулся за народом, ближе к выходу, и стал — у крыльца. Ждал. Ждал — батюшку. Батюшки — после службы — выходят, разговаривают с прихожанами. Сергей видел: батюшка — там, у дверей, с двумя женщинами, с мужчиной. Говорил — тихо, спокойно, с улыбкой. Сергей — ждал. Думал — успеет. Успеет — ещё до того, как батюшка уйдёт. Успеет — сказать. Успеет — попросить.

Вышел — за калитку. На территории храма — нельзя курить. Сергей знал. И — не курил. Час, может больше — без сигареты. Для него — это много. Для него — сигарета — как воздух. Без воздуха — минута. Без сигареты — час. Тяжело. Очень. Он вышел за калитку — быстро, отошёл в сторону, к дереву, и закурил. Затянулся — глубоко, жадно, до кашля.

Дым — пошёл, тёплый, родной. Выдох — долгий, серый, с облаком. Отлегло. Чуть. Совсем чуть.

Голодный — стоял, курил, и поглядывал — на крыльцо храма. Не пропустить бы. Не упустить. Батюшка — должен выйти. Должен. Сейчас. Докурил — быстрыми затяжками, вторую — треть — четвертую. Бросил окурок, затоптал. Прошёл обратно в калитку. Пошёл — к крыльцу. И — как раз — тут. Батюшка — начал выходить. Спускался по ступенькам — медленно, спокойно, оглядывая двор. Золотая риза — снята, поверх — чёрная ряса. Борода — седая, расчёсанная. Лицо — доброе, тихое, уставшее. После службы — всегда усталые. Служба — это труд. Труд — не физический — духовный. Духовный — тяжелее. Душа — устаёт быстрее тела.

Сергей подошёл — как только батюшка спустился с последней ступеньки. Быстро, но — не бегом. Спокойно. Как — приходят. Как — свой.

— Благословите, батюшка, — сказал Сергей. И поклонился — слегка, головой.

Батюшка остановился. Посмотрел — на Сергея. Глаза — тёмные, внимательные, спокойные. Смотрел — как рентген. Как — видит насквозь. Батюшки — умеют. Или — кажется, что умеют. Разницы — нет. Главное — что смотрят.

— Бог благословит, — сказал батюшка. — Что, сынок?

«Сынок». Второй раз — за неделю. Сначала — дед в «Жигулях». Теперь — батюшка. Чужие — говорят «сынок».

Свои — «здравствуйте».

— Можно ко мне просьба? — спросил Сергей.

— Говори, — сказал батюшка. И остановился. Ждал.

— Батюшка, — начал Сергей. Голос — ровный, но — чуть дрогнул. Внутри — волнение. Не страх — волнение. Как перед прыжком. — Мне негде жить. У меня нет никого. Со всем — никого. Можете меня отправить в монастырь? Или здесь, при церкви, оставить — работать, в хозяйство. Я всё могу. Я везде справлюсь.

Батюшка — смотрел. Молчал. Не сразу — ответил. Думал. Или — смотрел. Или — и то, и другое. Видел — что Сергей очень молод. Ещё ребёнок. Лицо — мальчишеское, худое, с короткой стрижкой. Руки — с мозолями, с татуировкой. Татуировка — из-под рукава, на руке. Батюшка — заметил. Посмотрел — и отвёл. Не осудил. Не спросил. Просто — увидел. И — подумал. Подумал — что Сергей сбежал из дома. От родителей, от беды, от — чего-то. Батюшка предполагал — какие мысли побудили. Какие беды — привели. Не спрашивал. Пока — не спрашивал.

— Документы есть? — спросил батюшка.

— Да, — сказал Сергей. — Есть. Паспорт.

— Это хорошо, — кивнул батюшка. — Сначала — отобедай. Потом — документы передашь через матушку. Я посмотрю. Подумаю. А ты — поешь. С дороги, с голоду — плохо думается.

Он повернулся и пошёл — к зданию рядом с храмом.

Маленькое, кирпичное, с крыльцом и табличкой «ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ КОРПУС». Сергей — пошёл за ним. Как за проводником. Как за — тем, кто знает дорогу. Батюшка — знал. Батюшка — всегда знал. Или — делал вид. Разницы — нет. Главное — что шёл.

Глава 18. Матушка

Столовая — в хозяйственном корпусе, на первом этаже. Маленькая, чистая, с двумя столами, со скамейками, с иконой в углу, с лампадкой, которая теплилась — маленькая, красная, живая. Пахло — щами, хлебом, деревом. Не ладаном — тут ладана не было. Тут — еда. Еда — другой запах. Запах — жизни. Жизнь — пахнет хлебом. Хлеб — испёк, тёплый, с коркой, на противне. Сергей — увидел хлеб — и рот — наполнился слюной. Голод — ударил. Голод — забытый, привычный, фоновый — вдруг — вперёд. Как собака, которая спала, а почуяла мясо. Голод — проснулся и — требовал.

Матушка — накрыла на стол. Матушка — женщина средних лет, в платке, в длинном тёмном платье, с добрым лицом и быстрыми руками. Не старая, не молодая — между. Как Сергей. Только — по-другому. Она — между миром и монастырём. Между — улицей и храмом. Между — суетой и тишиной. Она — жила тут, при церкви. Служила. Помогала. Кормила. Убирала. Организовывала. Без матушки — храм — не храм. Как без бабушек. Только — матушка — ближе.

Матушка — руки. Бабушки — ноги. Батюшка — голова. Так — устроено.

— Садись, — сказала матушка. — Щи, хлеб. Ешь, не торопись.

Сергей сел. Стол — деревянный, чистый, с клеёнкой. Тарелка — с щами. Глубокая, белая, с синим ободком. Щи — горячие, густые, с капустой, с картошкой, с мясом. Мясо — в щах. Настоящее мясо. Сергей — не помнил, когда ел мясо. В спецшколе — редко. На свободе — никогда. Мясо — дорогое. Мясо — для тех, у кого дом. У кого — кухарка. У кого — мать, которая готовит. У Сергея — не было. А тут — тарелка, полная, горячая, с паром, с запахом, с мясом. Он взял ложку — и — начал.

Ел — медленно. Не торопясь. Как — учили. В спецшколе — ели быстро, жадно, отбирали. Здесь — можно — не торопиться. Здесь — не отберут. Здесь — достаточно. Он ел — и чувствовал, как тепло идёт — от желудка, по рёбрам, к рукам, к ногам. Тепло — настоящее. Не от бетона — от еды. Не от куртки — от щей. Не от сигареты — от хлеба. Тепло — живое. От — жизни.

Хлеб — ломал, макал в щи, ел с коркой. Хлеб — тёплый, мягкий, с дырочками, с запахом дрожжей. Лучший хлеб, который он ел. Не потому что вкусный — а потому что — дали. Потому что — для него. Потому что — «на, ешь». Без «здравствуйте». Без «чай будешь?». Просто — «ешь». И — он ел.

— Документы есть? — спросила матушка, когда он доел.

— Есть, — сказал Сергей. Достал паспорт — из кармана, из внутреннего. Паспорт — был. Новый, получен в спецшколе, перед выпуском. Фотография — худое лицо, короткая стрижка, серьёзные глаза. Четырнадцать лет. Но — на фото — выглядит на шестнадцать. Жизнь — старит.

— Отдай мне, — сказала матушка. — Батюшке передам. Он посмотрит, подумает. А ты — пока отдохни. Во дворе посиди.

Сергей отдал паспорт. Матушка — взяла, ушла — в кабинет к батюшке. Сергей — вышел во двор. Сел на скамейку — у сирени, под деревом. Сирень — пахла. Птицы — пели. Солнце — грело. Тихо. Спокойно. Не — как на лестнице. Не — как на вокзале. Не — как в подъезде. Здесь — по-другому. Здесь — может быть — хорошо. Может — нет. Но — пока — хорошо.

Матушка — вышла. С пакетом. Большим, целлофановым, полным.

— Вот, — сказала она. — Продукты. На сегодня. А завтра — приходи к обеду. Билет будет на вечерний поезд. И рекомендательное письмо. Не забудь — к обеду.

— К обеду, — повторил Сергей. — Хорошо. Не забуду.

— И ещё, — матушка посмотрела на него. — Ты — курящий?

— Да, — сказал Сергей. Не врал. Зачем.

— В монастыре не курят, — сказала матушка. Тихо, без

осуждения. Как — факт. Как — правило. — Подумай об этом.

— Подумаю, — сказал Сергей. И взял пакет. Тяжёлый — булки, печенье, конфеты. Сладкое — много. Сладкое — в монастыре — едят. Или — дают. Может — потому что жизнь горькая, и надо — подсластить.

— Спасибо, — сказал Сергей. — Спасибо, матушка.

— Бог поможет, — сказала она. И улыбнулась. Улыбка — тихая, тёплая, не широкая. Как лампадка. Маленький огонёк. Не — костёр. Не — пожар. Лампадка. Но — греет. Маленько.

Сергей развернулся и пошёл. Пошёл — из калитки, на улицу, в город. С пакетом, полным булок, и с планом, полным надежды. Или — не надежды. Чего-то. Чего-то — нового. Чего-то — что — может быть. Может — нет. Но — может быть.

Глава 19. Поезд

Сергей ещё сомневался. Может — не стоит? Может — остаться? Может — в Нижневартовске — ещё что-то будет? Изначально — был порыв. Большой. Сильный. «В монастырь — и всё». Но — оставшийся день и ночь — провёл спокойно. Без бетона — с продуктами, с едой, с сигаретами. Поел — нормально. Попил — чаю, из пакета, заварив в найденной на улице кружке. Не было кружки — купил. Дешёвую, пластмассовую. Поехал. Посидел — на набережной, под

фонарём, с пакетом булок, с лимонадом. Нормально. Спокойно. И — решил: нет. В Нижневартовске — закончится всё криминалом. Или — ещё чем-нибудь. Его — поймают. Рано или поздно — найдут. Нижневартовск — не большой. Пацан без дома, без регистрации, без дела — заметен. Менты — не глупые. Спросят — кто, куда, откуда. А ответить — нечего. Поэтому — лучше — уехать. Подальше. От Сургу-та, от Нижневартовска, от — ментов. Монастырь — далеко. Монастырь — в Тобольске. Тобольск — другой город, дру-гая область, другой — мир. Там — не найдут. Там — стены. Там — Бог. Или — бабушки. Или — матушка. Или — кто. Но — не менты. Не — бетон. Не — сундук.

И с этими мыслями — собрался. Перекусил — булки, пе-ченье, конфеты. Не экономил — ел. Впервые — не эконо-мил. Завтра — монастырь. Завтра — накормят. Завтра — стена. Стена — которая кормит. Поэтому — сегодня — ел. И — уснул. Не на бетоне — на картоне. Нашёл картон — у магазина, за углом. Постелил — в подъезде, на лестнице, на середине этажей. Картон — мягче. Картон — теплее. Картон — последняя ночь. Завтра — не картон. Завтра — полка. В поезде. Полка — деревянная, узкая, с матрасом. Матрас — не картон. Матрас — роскошь. Роскошь — на одну ночь. На одну — дорогу.

Утро. Не стал ждать обеда. Пошёл — сразу, ближе к по-лудню. В храм. Что — лучше уж там подождёт. В храме — тихо. В храме — не бетон. В храме — скамейки. Скамейки

— дерево. Дерево — мягче бетона. Дерево — теплее. Дерево — добрее. Бетон — высасывает. Дерево — держит.

Пришёл. Матушка — увидела. Улыбнулась.

— Ну вот, — сказала она. — А я уж думала — не придёшь. Пришёл. Хороший.

— Я — обещал, — сказал Сергей.

— Билет — куплен, — сказала матушка. — На пять часов. Поезд Нижневартовск — Тюмень. Но тебе — до Тобольска. Потом — пересадка. Слышишь? До Тобольска. Не проезжай.

— До Тобольска, — повторил Сергей. — Слышу.

— В Тобольске — ЖД-вокзал. Рядом — автовокзал. Садись на автобус до деревни Абалак. Деревня небольшая. Там — монастырь. Знаменский-Абалакский мужской монастырь. Вот — рекомендательное письмо. Настоятелю отдашь. Там и останешься. Послушником.

Она протянула — конверт. Белый, плотный, с печатью. Конверт — важный. В конверте — жизнь. Или — стена. Или — обе.

— Спасибо, — сказал Сергей. Взял конверт. Спрятал — во внутренний карман, глубоко. Рядом с деньгами. Конверт и деньги — рядом. Письмо и деньги. Бумаги. Обе — важные. Одна — от батюшки. Другая — от Дениса. Одна — спасает. Другая — губит. Обе — в кармане. Обе — с ним.

Билет — матушка не дала. На руках — не дала. Сказала — проводит, посадит.

— А билет? — спросил Сергей.

— У меня, — сказала матушка. — На вокзале — отдам. Не потеряй, если сам держать будешь. А у меня — не потеряется.

Ещё — продуктов. Пакет — полный. Булки, яблоки, печенье, бутылка воды. Сергей — просидел в церкви, в приёмной. Ждал. Выходил — курить. Раз, два. Матушка — каждый раз:

— Бросай. В монастыре — не курят.

— Брошу, — говорил Сергей. — Да-да. Брошу.

И — знал, что не бросит. Не сейчас. Может — потом. Может — в монастыре. Может — никогда. Курить — это как дышать. Не дышать — умереть. Не курить — почти умереть. Для него — курение — единственное, что он контролировал. Единственное — что было — его. Сигарета — его. Зажатка — его. Выдох — его. Всё остальное — не его. Жизнь — не его. Тело — не его. Дорога — не его. Сигарета — его. И отнять — он не давал. Пока — не давал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.